

**ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА**

Научные труды № 82Р

**Политико-экономические аспекты
борьбы с терроризмом**

**Москва
2005**

УДК 323.28
ББК 66.3(0)
П50

Политико-экономические аспекты борьбы с терроризмом. – М.: ИЭПП, 2005. С. 116

Авторский коллектив: Введение – **К. Яновский**; гл. 1 – **С. Жаворонков, К. Яновский**; гл. 2 – **К. Яновский**; гл. 3 – **С. Жаворонков, К. Яновский**; гл. 4 – **С. Шульгин, К. Яновский**; гл. 5 – **И. Затковецкий, К. Яновский**; гл. 6 – **И. Затковецкий, В. Ротенберг**.

Агентство СІР РГБ

В работе рассматриваются и тестируются различные подходы к анализу причин и стимулов террористической деятельности, а также оппортунистического поведения прессы и политиков: первый, основанный на допущении об универсальной применимости стратегии компромисса, и второй – на классической стратегии «зуб за зуб». Исходя из полученных результатов, политика уступок и экономической помощи представляется неэффективным средством предотвращения террора или даже его эскалации. Стратегия насильственного подавления террористической активности не предлагается авторами в качестве универсального и полного решения проблемы, однако она, как представляется, может предотвращать эскалацию террора.

Politico-economic Aspects of Combat with Terrorism.

Autors: Introduction – **K. Yanovskiy**, Chapter 1 – **S. Zhavoronkov, K. Yanovskiy**; Chapter 2 – **K. Yanovskiy**; Chapter 3 – **S. Zhavoronkov, K. Yanovskiy**; Chapter 4 – **S. Shulgin, K. Yanovskiy**; Chapter 5 – **I. Zatkovetsky, K. Yanovskiy**; Chapter 6 – **I. Zatkovetsky, V. Rotenberg**.

The paper considers and tests different approaches to analysis of causes of, and incentives to terrorist activities and the media and politicians' opportunist behavior. While the first approach is based on the assumption of a universal deployment of a compromise strategy, the other one is based on the "Tit-for-Tat" classical strategy. Proceeding from the research outcomes, it appears that a policy of compromises and economic aid is an inefficient means to prevent terror which ay even escalate it. The authors do not prescribe the strategy of violent suppression of terrorist activity as a universal and ultimate remedy, but they believe it can preclude the escalation of terror.

JEL Classification: D74, D72, H56.

Настоящее издание подготовлено по материалам исследовательского проекта Института экономики переходного периода, выполненного в рамках гранта, предоставленного Агентством международного развития США.

ISBN 5-93255-153-4

Работа отражает взгляды авторов, и их позиция может не совпадать с позицией Института экономики переходного периода.

© **Институт экономики переходного периода, 2005**

Содержание

Введение	5
Глава 1. Состояние проблемы и определения	9
Глава 2. Статистический анализ	30
2.1. Данные	30
2.2. Описание модели	31
2.2.1. Допущения.....	31
2.2.2. Проверяемые гипотезы.....	32
2.2.3. Переменные	33
2.2.4. Голосование за и против террористов: общественный выбор и стимулы к террористической деятельности	35
2.3. Результаты статистического анализа и их интерпретация	35
Глава 3. Международный терроризм после Второй мировой войны: тенденция к максимизации жертв среди мирного населения	51
3.1. Способно ли международное право и международные организации противостоять терроризму?	51
3.2. Возможные подходы к доказательству «теоремы Грэшема для террористов»	52
3.3. Международная помощь отсталым странам.....	58
3.4. Освещение событий: пример Дамура в сравнении с Саброй и Шатиллой	62
3.5. Шкала ценностей человеческой жизни.....	64
Глава 4. Правила игры	68
4.1. Усовершенствованный «контракт на самоубийство»	68
4.2. Примеры.....	73
Пример «прогрессивной» стратегии»	73
Пример «консервативной» стратегии	74

Стимулы демократического лидера.....	75
Стимулы рационального генерала, или	
Откуда берутся генералы – борцы за мир	78
Глава 5. Конкуренция при взятии ответственности	
за убийства как индикатор рациональности	
мотивации террористов	86
Глава 6. Некоторые закономерности освещения	
террора в Израиле	90
6.1. Сравнительный анализ эффективности	
использования «политкорректного»	
и «консервативного» подходов	
для борьбы с террором	90
6.2. Комментарий психолога	97
Выводы и направления дальнейших исследований	99
Источники	102
Приложение 1. Динамика террора и стратегия	
правительства Израиля: исходные данные	107
Приложение 2. Выдержки из прессы –	
дискуссия о Дамуре	110
Приложение 3. Позиция партий в Израиле	
в отношении террора и террористов	
и их электоральная поддержка.....	112

*«You were given choice between war and dishonor.
You chose dishonor and you will have war»¹*
Winston Churchill

Введение²

Мюнхенские договоренности, кризис догоняющего развития Ирана, арабо-израильский конфликт, вызов открытому обществу 11 сентября демонстрируют возрастающие до неприемлемого уровня риски ошибок в отношении с широким спектром государств, обществ, групп, не приемлющих основные институты открытого общества, правового порядка, прав человека и частной собственности. Проблема не менее актуальна и на национальном уровне, особенно в неоднородных переходных обществах, включающих весьма крупные сегменты как традиционного, так и открытого общества. Общества, пытающиеся догнать развитые страны путем заимствования не только технических достижений, но и некоторых институтов развитых стран, сталкиваются с вызовами традиционного общества. Это резко повышает издержки модернизации. Так, конфликт и войны в Чечне (маленький регион – один округ по выборам в Думу), порожденные, в частности, вызовами традиционного общества, привели к сильнейшему кризису правового порядка и демократических институтов во всей стране. Все это подтверждает острую актуальность темы.

Провал рекомендаций традиционной политологии, не предсказавшей распад СССР, и успех «антиинтеллектуалистского» жесткого подхода администрации Рейгана, вообще неудачи практических рекомендаций представителей дисциплин, оперирующих исключительно методикой качественного анализа и отрицающих универсальные подходы и закономерности, делают актуальным расширение методов, развитых экономикой. Среди таковых можно выделить логику групповых действий (Олсон, 1965, 1982, 2000), в

¹ «Если, выбирая между войной и позором, вы выбираете позор, то получите и позор, и войну». Уинстон Черчилль. Из речи в парламенте, 1946 г.

² Авторы выражают благодарность Мау В.А. за помощь в редактировании работы, П.Е. Покревскому, С.Н. Четверикову, Д.А. Шакину и Х. Беккеровой за ценные замечания и комментарии, а также Х. Беккеровой, Ю.С. Малышевой и Д.С. Черному за помощь в сборе информации.

частности, логику групповых конфликтов (Hardin, 1997), теорию общественного выбора и иные направления неoinституциональной экономической теории.

С проблемой терроризма сталкивались и сталкиваются многие страны. Для нас особый интерес представляют ответы на такие вызовы правовых демократических государств. Совершенно очевидно, что из всех таких стран в наиболее продолжительной, регулярной, острой и интенсивной форме проблема борьбы с террором проявляется в Израиле. В Израиле, кроме того, накоплены наилучшая статистика террора и данные о террористах, особенно за последние годы беспрецедентной вспышки террора. В данной работе использованы далеко не все доступные сегодня данные.

Особое внимание авторов именно к Израилю и его опыту обусловлено тем, что в этой стране на протяжении 50 лет опробовались разные стратегии борьбы с террором, включая как жесткое противостояние террору, так и попытки умиротворения террористов, решения их экономических, социальных и моральных проблем.

Основные оппоненты Израиля также заслуживают особого внимания, поскольку именно организация «Аль-Фатах» (ядро Организации освобождения Палестины), основанная Ясиром Арафатом, наиболее преуспела в применении стратегии терроризма в самой современной и наиболее жестокой его форме. Именно благодаря этой стратегии – атаковать гражданское население (школы, детские сады, рейсовые автобусы, гражданские самолеты), максимизируя число жертв и демонстративную жестокость атак, – «Фатах» приобрела влияние, а затем и лидерство среди других террористических групп Ближнего Востока. В сочетании же с заявлениями о стремлении к миру такая тактика принесла международное (на уровне ООН) признание, финансовую помощь Европейского союза и даже США, статус дипломатической неприкосновенности лидерам этого направления.

Наконец, особое внимание мировых СМИ к ближневосточному конфликту поддерживает долгосрочную актуальность этой проблемы.

Введя ряд необходимых определений в первой главе, мы также перечислили и обозначили здесь самые основные подходы и ключевые идеи, обсуждаемые в связи с заявленной тематикой.

Вторая глава посвящена реализации статистических возможностей для верификации обозначенных в ее начале гипотез.

В третьей главе мы пытаемся расширить анализ до международного уровня, обозначая те же основные проблемы борьбы с терроризмом, что проявляются на национальном уровне. Прослеживаются специфические формы реализации стратегий борьбы с терроризмом или попыток его предотвращения в международном масштабе. Обозначив во второй главе проблему «спроса» на стратегии, мы впервые подробно останавливаемся в третьей главе на бросающемся в глаза смещении в освещении террористической деятельности.

Особое внимание уделено проблеме на первый взгляд моральной или юридической, имеющей, однако, не только экономически представимую форму (ординалистское сравнение полезностей), но и большое прикладное значение. Это проблема оценки приоритетов интересов различных субъектов, в том числе приоритетов сохранения жизни граждан правовых стран и населения враждебных правовым странам территорий. Без ее решения борьба с терроризмом столкнется с непреодолимыми трудностями. Поэтому глава завершается первыми в работе рекомендациями по изменению национального законодательства стран, борющихся с терроризмом.

В четвертой главе предпринята попытка дать новую иллюстрацию стимулов основных «игроков» – лидера террористов, лидера демократического государства и жителя территории, контролируемой террористами. Универсальность подхода теории игр делает четвертую главу естественным продолжением ранее поднятых проблем с использованием иного инструментария. Принцип «методологического индивидуализма» требует, чтобы исследователь, прежде чем делать обобщения и выводы, дал объяснения мотивации на «микроуровне». Поэтому обойтись без такого анализа не представляется возможным. Формализованный анализ мотиваций игроков дополняет статистический анализ, представленный во второй главе.

Пятая и шестая главы являются иллюстрацией (своего рода кейсами) проблемы освещения проблемы терроризма в СМИ и использования террористами современных медиа-ресурсов для координации деятельности между лицами, финансирующими террор, и лидерами (организаторами) исполнителей террористических актов. Пятая глава перекликается с разделами 2.2.3, 3.4 и 4.2, затрагивая проблему влияния СМИ на избирателя и политика, а шестая показывает возможность верификации высказанной ранее (в частности, в третьей главе) гипотезы об использовании террористами СМИ как основного канала для отчетности перед «инвесторами».

Глава 1. Состояние проблемы и определения

«Похоже, в международных делах действует некий аналог закона Грэшема – «плохие деньги вытесняют хорошие», – и здравые идеи регулярно приносятся в жертву плохим»
М. Тэтчер³

Проблемам насилия, вооруженного перераспределения богатства, сопровождаемого массовым уничтожением материальных ценностей, разрушением поддерживающих общественный порядок институтов, не говоря уже о людских потерях (не сводимых даже экономически лишь к потерям человеческого капитала), уделяется все большее внимание исследователей-экономистов. Так, в отчете о мировом развитии 2005 г. «Как сделать инвестиционный климат благоприятным для всех» (Всемирный банк, 2005) авторы резонно отмечают вначале путь, делающий инвестиционный климат неблагоприятным для всех. Самый надежный способ – начать терроризировать друг друга в ходе гражданской войны. Впечатляющие результаты гарантированы. Подробнее на этой проблеме останавливается группа экспертов той же организации в работе, посвященной, в частности, факторам, повышающим вероятность гражданской войны (World Bank, 2003). Среди таких факторов выделяется, прежде всего, бедность, а также ряд географических особенностей, делающих заманчивой игру на отделение той или иной ресурсно более богатой провинции. Однако авторы не останавливаются подробно на вопросе о фундаментальных причинах самой бедности и не видят прямой связи между насилием как основным способом легитимации власти в бедных странах и вероятностью возникновения гражданской войны. Возможно, потому, что в набор наблюдаемых стран не входят правовые государства. Между тем история даже таких государств до установления в них режима власти закона, а не людей весьма богата гражданскими вой-

³ М. Тэтчер, 2003. С. 469.

нами. Зато после установления такого режима примеры гражданских войн почти исчерпываются войной Юга и Севера в США.

В работах ИЭПП, посвященных импорту институтов странами с переходной экономикой (Мау, Яновский и др., 2003) и политическим компонентам инвестиционных рисков в российских регионах (Мау, Жаворонков, Яновский и др., 2002), было показано, что в отсутствие надлежащих гарантий неприкосновенности личности риски долгосрочных инвестиций и длительных трансакций резко ухудшают качество инвестиционного климата. Не ограниченное законом насилие блокирует развитие. Страны и народы, не способные преодолеть произвольное насилие и обеспечить личные права, не могут выйти на траекторию долгосрочного устойчивого экономического роста.

Жертвами такого насилия могут быть любые лица и группы, чей успех бросает вызов лидеру, власть которого основана только на авторитете силы. Если же такому лидеру начинает казаться, что процветающие за границей лица или группы недостаточно защищены, то опция «бродячего бандита» (roving bandit – см. (Olson, 2000)) может стать для него предпочтительнее опции «стационарного бандита» (stationary bandit – см. там же).

Вызовы терроризма не являются чем-то принципиально новым для развитых и переходных стран современности. В древности и Средневековье, когда экономическая отсталость не влекла за собой фатального военно-технического отставания и взять добычу (получить дань) можно было в результате «честной победы», практиковались набеги и войны против богатых, но не слишком готовых к войне соседей. Объектами таких атак становились Китай, Египет, Древний Рим и Византия, Восточная Европа и др.

В последние столетия, когда отсталость экономическая стала почти неизбежно обуславливать отсталость военную, такая стратегия заработка перестала быть эффективной.

Возможно, точку в этом бизнесе выпало поставить капитану Военно-морского флота США Стивену Дикейтору, уничтожившему в 1815 г. пиратский флот⁴ – основу мощи пиратских государств Се-

⁴ История и предыстория кампании 1815 г. США против пиратов вообще весьма поучительны в контексте нынешней войны с терроризмом. Они иллюстрируют высокие издержки принятия решения о войне при демократии (процесс занял без

верной Африки (Тунис, Триполи, Алжир и др.), и французскому экспедиционному корпусу, занявшему основные портовые города пиратов. В том числе и на этот опыт ссылается английский историк Пол Джонсон, обосновывая свой знаменитый тезис «ответом на терроризм такого масштаба может быть колониализм» (P. Johnson, 2001). Он подчеркивает, что блестящие военные победы американцев не идут в сравнение с оккупацией и колонизацией Северной Африки французами по прочности достигнутых результатов. Правда, историк не берется объяснять, почему, несмотря на успех, они оказались хотя и долгосрочными, но все же временными. Что-то изменилось в самом французском обществе и в мире, и процесс постепенного приучения варваров к культуре сорвался в кровавый процесс «деколонизации».

Джек Хиршляйфер (J. Hirshleifer, 2002) подчеркивает, что есть альтернативный смитовскому (разумные законы, умеренные налоги) способ приобретения богатства. Можно просто кого-нибудь ограбить. Соответственно усилия и инвестиции людей, народов могут направляться в сторону как создания богатства, так и его насильственного перераспределения.

При этом автор напоминает, что эта идея имеет давнюю историю. Так, он ссылается на В. Парето. Напоминает правило Макиавелли: «У кого власть – у того и золото». Цитирует А. Смита: «Производительные и богатые народы имеют наибольшие шансы стать объектом атаки».

Такие народы, в свою очередь, могут быть более заинтересованы в защите своего богатства, а не в разграблении чужого. Хиршляйфер полагает, что достигнутый уровень богатства влияет на стратегию общественного выбора в отношении способа дальнейшего обогащения. Бедные народы, напротив, могут быть более склонны к «ожесточенному ведению войны», большему упорству или, иными словами, к инвестированию в войну большей доли своих ресурсов, рассчитывая на больший (по значимости для себя) выигрыш.

Отметим, однако, что не столь уж редко случалось, что относительно богатая страна нападала на бедную, но экстремально сла-

малого 20 лет). Но они также опровергают расхожие мифы о «невозможности победы» в «необычных» войнах.

бую в военном отношении (или кажущуюся таковой). Таковы примеры агрессии Италии против Эфиопии, Германии против Польши (1939 г.) и Югославии (1941 г.).

Если общество сделало выбор в пользу «республиканских доблестей», а не «мирного процесса», предположение Хиршляйфера о большей интенсивности ведения войны со стороны террористов, о более сильной мотивации «бедных» по сравнению с «богатыми», скорее всего, не сработает. Если «богатый» осознает неизбежность потери всего без одержания решительной победы, ситуация меняется, и его стимул сохранить преимущества своего образа жизни предопределяет высокую степень ожесточенности войны с его стороны. При этом предположение Хиршляйфера о большей доле расходов наличных ресурсов отсталого «бедного» общества на войну может по-прежнему выполняться. Оно не спасет отсталое общество от поражения. Примеры двух войн Финляндии против России (1918–1919, 1939–1940 гг.) показывают, что это верно даже в ситуации, когда относительно бедная страна многократно в силу огромных размеров превосходит относительно богатую.

Спрос на идеи, обосновывающие стратегии откупа от «бродячих бандитов», пришелся на вторую половину XX в. Техническая и военная отсталость сделали к тому времени бессилие «бродячих бандитов» перед армиями цивилизованных стран очевидным. Однако интерес к прямому колониальному контролю над ними у избирателя развитых стран пропал. Почти никогда в период «массовой деколонизации» 1940–50-х гг., кроме Франции во Вьетнаме, метрополия не терпела очевидного военного поражения. Решение об уходе из очередной колонии принималось исходя из внутриполитических соображений.

Именно в этот период развитые страны начали сталкиваться с современной формой набегов – терроризмом. Причем рост масштабов, технической оснащенности и возможностей нанесения урона террористическими действиями делает эту угрозу особенно значимой в самые последние десятилетия. Экономический аспект и оценка внушительных потерь от террора представлены в докладе Николь и Марка Крейнов (N. Crain, M. Crain, 2004).

Следует подчеркнуть, что прямые потери от террора могут стать лишь незначительной частью всех потерь (не считая челове-

ских), если правовые государства в угоду политической конъюнктуры или идеологии (см. ниже определение политической корректности) будут уклоняться от исполнения своей основной функции – обеспечения обороны и безопасности. Это может создать негативные стимулы у налогоплательщиков, не обеспечиваемых общественными благами, зато облагаемых налогами для уплаты дани террористам, и подорвать правовые государства изнутри (см. Яновский, 2003).

В данной работе анализируются некоторые детерминанты и стимулы террористической деятельности, обсуждаются возможности ее анализа с использованием инструментария экономической теории и обосновываются соответствующие рекомендации – как для аналитиков, так и для политических лидеров правовых государств.

В работе используются следующие основные понятия.

Терроризм⁵ – противозаконные и рациональные (обычно хорошо спланированные) насилие или угрозы такового против личностей, их имущества с целью устрашения и принуждения правительств и обществ для достижения политических, религиозных или идеологических целей.

Обществом **Rule of Law** (правовым), как и в работе «Импорт институтов в странах с переходной экономикой: эффективность и издержки» (Мау, Яновский, Жаворонков и др., 2003), именуется общество, управляемое в соответствии с заранее опубликованными правовыми нормами, основанными на приоритете базовых (по Дж. Локку – естественных) индивидуальных прав и свобод над коллективными и государственными интересами; обеспечивающее необходимые гарантии таких прав и осуществление указанных норм на практике, в том числе с использованием силового принуждения.

Обществом **Rule of Force** (антиправовым, где властвует насилие) именуется дискреционно (т.е. в соответствии с произволом, потребностями власти) управляемое общество, в котором легитимация лидера (диктатора) обеспечивается его силой и волей к на-

⁵ Определение дано на основе формулы, используемой Государственным департаментом США с 1990 г., с дополнениями авторов, выделенными жирным шрифтом. <http://www.calea.org/newweb/newsletter/No80/terrorism.htm>
CALEA – The Commission on Accreditation for Law Enforcement Agencies (USA) web-site.

силию. В таких обществах (в отсталых, так называемых развивающихся странах) доминирование «ястребов» над «голубыми» во всех ситуациях, кроме жестокого поражения от внешнего врага, является стабильным и равновесным. Стимулы к инвестициям блокированы рисками, связанными с угрозой насилия, отсутствием каких-либо гарантий неприкосновенности личности и частной собственности (May, Яновский, Жаворонков и др., 2003).

Некоторые режимы и частные лица со специфическим профилем предпочтений – **«спонсоры терроризма»** – предъявляют спрос на террор, насилие и инвестируют в него. Лидеры террористических групп осваивают инвестиции и «поставляют» террор этим «потребителям» (спонсорам). Лидеры террористов заинтересованы в надлежащей отчетности перед спонсорами. Для этого хорошо подходят красочные репортажи мировых СМИ с места террористического акта. Группы, которые мы определяем как «террористов типа 2»⁶, сознательно атакующие преимущественно и целенаправленно гражданских лиц и максимизирующие число жертв среди них, начинают доминировать, по крайней мере, на экране над «террористами типа 1», атакующими преимущественно военных, и «боевиками»⁷, ориентирующимися на достижение военной победы и сражающимися исключительно против военных и военизированных структур.

Таким образом, термин **«террористы типа 1»**, используемый в данной работе, относится к группам, ориентированным на захват власти в результате деморализации и распада противостоящих им вооруженных сил и служб безопасности. Такие банды атакуют пре-

⁶ Одной из теорий, обосновывающих целесообразность такого вида террора, является «теория паутины», описывающая западное общество как весьма уязвимое вследствие бессмысленно завышенной ценности человеческой жизни и трусости его членов. Подобно паутине, общество Rule of Law (западное общество) может быть легко разрушено с помощью решительных и жестоких атак террористов (подробнее об этом см. интервью начальника Генерального штаба Армии обороны Израиля Моше Яалона известной израильской газете «Хаарец» 30 августа 2002 г. <http://www.cdn-friends-icej.ca/isreport/aug02/yaalon.htm>. Интервью тем более примечательно, что названная газета относится к «столпам» политической корректности и имеет выраженную левую ориентацию).

⁷ Таблица, ставшая основой для представленной в настоящем докладе, приведена на веб-сайте программы CDISS по изучению терроризма <http://www.cdiss.org/terror.htm>.

имущественно политиков, военных, полицейских и агентов спецслужб, не останавливаясь перед высокой вероятностью сопутствующих жертв среди мирного населения («Народная воля» в дореволюционной России, Ирландская республиканская армия, «Тигры освобождения «Тамил Илама», Курдская рабочая партия и многие другие).

«Боевики» (в терминологии данной работы) – это те, кто избегает атак при наличии обоснованной опасности появления жертв среди мирного населения (звонки с предупреждениями о заложенных бомбах и т.п.). Как правило, так вели себя корсиканские сепаратисты, баскские террористы (ЭТА), Эцель и Лехи (Палестина перед Второй мировой войной). Иногда полезно выделять частный случай боевика – в ситуации, когда легальная мирная оппозиционная деятельность не допускается, и политическая активность возможна только как военное противостояние режиму (современный пример – «оппозиция» режиму Чарльза Тейлора в Либерии).

Террористы типа 2 – террористические группы, ориентирующиеся на максимизацию жертв среди гражданского населения как наиболее уязвимой и обеспечивающей максимальное внимание прессы и удовлетворение заказчика («инвестора») цели. Конечной целью террористов может быть деморализация общества и разрушение правового демократического государства. К таким группам относятся Sendero Luminoso (Перу), «Хамас», «Хизбалла» и др.

Политической корректностью в данной работе называется распространившийся (особенно широко – с 80-х гг. XX в.) в США и Западной Европе идеологически мотивированный подход к анализу фактов, освещению событий, представлению информации обществу и выбору стратегии, основанный на принципе морального релятивизма. Активисты такого подхода идентифицируют себя как гуманисты и либералы и претендуют на монопольное толкование либерализма и гуманизма на современном этапе. Свои претензии они пытаются подкрепить запретами на выражение альтернативных точек зрения (P. Rubin, 1995). В рамках этого подхода как бы моральным, или «хорошим», признается все, что выгодно для защищаемой группы, выбранной интеллектуальным лидером течения, исповедующего политическую корректность. Тот же лидер произвольно определяет, что именно является хорошим или пло-

хим для выбранной им защищаемой группы (или групп)⁸ без использования какой-либо формальной процедуры выявления интересов этой группы (групп). Первый известный авторам анализ политической корректности и ее экономических мотиваций дан в статье П. Рубина (P. Rubin, 1994).

Некоторые понятия определены в начале соответствующих разделов («Правила игры» и приложения «О связи между «политкорректным» отношением к террору и его эмоциональным представлением»).

Показания Иона Михая Пачепы – бывшего главы госбезопасности Румынии и главного куратора поставок оружия и снаряжения Арафату подтверждают не просто факт прямого контроля и помощи террористу со стороны «социалистического содружества».

⁸ Сравните с подходом В.И. Ленина и большевиков – их идей о «классовой морали»: морально все, что хорошо для рабочего класса. Что именно хорошо или плохо для рабочих, решает «партия нового типа», поскольку незнакомые с марксизмом и вообще необразованные рабочие самостоятельно могут лишь объединяться в профсоюзы и постепенно улучшать свою жизнь вместо того, чтобы сразу сделать социалистическую революцию. (См., например, «Задачи Союзов молодежи». Речь на III съезде РКСМ 2 октября 1920 г. // Ленин В.И. М.: Молодая гвардия, 1989).

Типичным проявлением «политкорректности» является сделанное от имени ЕС заявление министра иностранных дел Ирландии по поводу расстрела арабами Тали Хатуэль (34 года, на восьмом месяце беременности) и ее четырех дочерей от 2 до 11 лет: «The Minister for Foreign Affairs, Mr. Brian Cowen T.D., condemned yesterday's killing of a mother and her four children by Palestinian gunmen in the Gaza Strip. He offered his condolences to the relatives of the victims and expressed the hope that those injured in the attack would make a speedy recovery.

«The targeting of innocent children in a conflict of this kind must always be condemned» said the Minister. «The killing of children does not serve any legitimate cause and degrades any purpose which it purports to advance.» http://www.eu2004.ie/templates/news.asp?sNavigator=66&list_id=644

То есть убийство (ирландским министром использована нейтральная форма «killing», а не адекватная обстоятельствам «murder»; в аналогичном заявлении ЕС, осуждающем ликвидацию главы «Хамас» Шейха Ахмеда Яссина употреблено слово «assasination» – вероломное политическое убийство) детей **не может служить справедливому делу** (выделено автором) **и принижает те цели, на достижение которых оно направлено**. То есть цель, на достижение которой было направлено убийство, следует понимать, справедливая. И проблема, судя по ключевой фразе, завершающей весьма лаконичное заявление и составляющей его половину не столько в самом убийстве, сколько в том, что оно тактически вредно, мешает решению более масштабной задачи (поставленной в действующей Хартии ООП – ликвидации Государства Израиль).

Приведенные Пачепой тексты дискуссий Арафата с Чаушеску демонстрируют логику типичного *roving bandit*, который обосновывает преимущество чистой террористической («революционной» – в терминологии первого) активности. Она не связана формальными нормами, международными обязательствами и законами и т.п. Чаушеску выражал понимание такой позиции, но от имени всего «социалистического лагеря» настаивал на том, что несложно будет обмануть Запад и соединить все преимущества ничем не ограниченного террора с имиджем уважаемого главы «правительства в изгнании», представляющего свой угнетенный народ перед сильными мира сего.

Основываясь на свидетельствах Пачепы, подтвержденных массивом оперативных данных, можно сделать важный вывод. Бессмысленно и научно недобросовестно применять терминологию, внедренную в международную практику в период контроля СССР над ООН в пропагандистских целях («сионизм – разновидность расизма», «правое дело народа Палестины» и т.п.). Сама такая терминология явным образом предполагает готовые выводы. «Палестинский народ», а не просто часть арабского народа подразумевает наличие субъекта, имеющего равные права с любым другим народом.

События последних лет бросают наукам о человеке новый серьезный вызов. Возможно, наиболее серьезный со времен Второй мировой войны. Очевидно, что даже весьма развитые научные методики и глубокие размышления сильно обесцениваются, если в качестве ключевых причин терроризма, политического насилия и ненависти могут представить только различные описания несовершенства человеческой природы и акцентируют иррациональную мотивацию.

Во всем имеющемся в нашем распоряжении интеллектуальном багаже и наборах данных необходимо отобрать такие, которые могут объяснить рациональную мотивацию, поведение лидеров и участников террористических групп на индивидуальном уровне. Не потому, что М. Вебер считал такое (целе-рациональное) объяснение наилучшим, а потому, что такое объяснение легче всего расширить (агрегировав и дополнив соответствующими факторами) до объяснения действий групп и обществ.

Но самое главное – рациональное как на индивидуальном, так и на общественном уровне объяснение явления позволяет сформулировать и обосновать внятные, технически реализуемые рекомендации политикам, в отличие от описаний данного явления, ссылающихся на «иррациональные», следовательно, принципиально необъяснимые мотивы поведения. Такое описание является слегка завуалированным отказом от объяснения или обоснованием невозможности такового.

В этой связи особый интерес представляет фундаментальная работа «Преступление и наказание: экономический подход»⁹, написанная Г. Беккером в 1968 г. и вышедшая на русском языке в 2000 г. Будучи еще не связанным (в 60-е годы) в полной мере требованиями политической корректности, Беккер позволил себе предположить возможность сдерживания преступного насилия насилием со стороны общества (государства). Такая возможность вытекает из основных допущений его теории и базовой модели предложения преступлений. Согласно ей, как вероятность, так и жесткость наказания снижают ожидаемый выигрыш преступника и соответственно вероятность того, что он совершит преступление. В простейшей форме это соотношение записывается в виде:

$$O_i = u_i / p_i f_i$$

где O_i – предложение преступлений (террористических актов, к примеру); u_i – полезность от совершения i -го преступления; p_i и f_i – соответственно вероятность и жесткость (соответствующие издержки и отрицательная полезность) наказания.

Дж. Стиглер (1970) оговаривает необходимость соразмерности преступления и жесткости наказания, приводя примеры обратного подхода в гражданском (предпринимательском) законодательстве США. Иначе предельная полезность от более тяжкого преступления по сравнению с менее тяжким может быть нулевой или даже положительной.

Однако применительно к преступлениям, совершаемым террористами (особенно «типа 2», целенаправленно охотящимися за безоружными женщинами и детьми), такая проблема не стоит. Избиратель демократической страны охотно поддержит весьма зна-

⁹ Becker G.S. (1968). Crime and punishment: an economic approach // Journal of Political Economy. № 76. P. 169–217.

чительное ужесточение наказаний и иных санкций. Таким образом, «спрос на наказание» в данном случае подталкивает политиков к принятию законов, надежно обеспечивающих сторонников террористов, пособников террористов и их самих отрицательной предельной полезностью при переходе из одной категории в другую.

Во второй половине XX в. – т.е. до 11 сентября 2001 г., при обсуждении проблем развивающихся стран насилие рассматривалось не как причина, а как следствие отсталости. Соответственно, авторы рецептов предполагали, что для преодоления отсталости и порождаемых отсталостью озлобления, склонности к насилию вообще и терроризма в частности надо «дать беднякам надежду». Точнее, накормить их и дать им некие первоначальные инвестиции, которые позволили бы бедным экономикам выйти на траекторию ускоренного, догоняющего развития. В таком ключе начали интерпретировать кейнсианскую теорию «Большого толчка», обосновывающую возможность вывода отсталой экономики на траекторию ускоренного роста с помощью разового скачка инвестиций¹⁰.

Политический спрос на такие экономические идеи был предъявлен наиболее ярко в известных докладах Вилли Брандта 1980 и 1983 гг. о необходимости регулярной и массивной помощи отсталым странам со стороны развитых. К сожалению, идеи массивной и плохо контролируемой «помощи» «черным дырам» бандитских государств проявляют устойчивость, объясняемую рационально только мотивами рентоориентированного поведения¹¹. В этом же ряду можно привести всеобщее увлечение списаниями

¹⁰ Различные модификации этой теории обсуждались с 1943 г. – для отсталых европейских стран и вплоть до начала 70-х годов – для так называемых «развивающихся». См. обзор Р. Нуреева, 2001.

¹¹ Так, позиционирующий себя как праволиберальный политик, Жозе Мануэль Баррозу заявил (*цитируется по сайту радио «Свобода» – передача «Темы дня» от 21 мая 2005 г.*): «Мы вместе развиваем демократию и свободу. Однако ежедневно 25 тысяч человек умирают от недоедания или отсутствия питьевой воды. Это настоящий позор нашего поколения, который нельзя списать на естественный ход вещей. В мире достаточно ресурсов. Надо только проявить политическую волю и хорошо все организовать». Оказывается противоестественен высокий уровень жизни в странах, где правит закон, и низкий там, где правят бандиты. Спекуляция на страданиях жертв бандитов для оправдания помощи этим же бандитам действительно представляется противоестественной и позорной.

долгов странам, которые, вероятнее всего, используют улучшение финансовой ситуации для закупок нового оружия. Характерным примером такого подхода может быть публикация в *Public Choice* 2002 г. статьи Нино Гароупы и Жоао Гаты (принятой, правда, еще летом 2000 г.) «Теория международных конфликтов – управление и санкции». Авторы предлагают математическую модель оценки стимулов, возникающих при введении международных санкций против склонного к агрессии режима, и обосновывают необходимость применять пряник помощи вместо кнута санкций, так как это будто бы с большей вероятностью приведет к торжеству «голубей» над «ястребами» внутри страны-агрессора. Дискуссия в том же ключе и почти неизменно с теми же практическими рекомендациями уже несколько лет ведется также на страницах журнала *Conflict Resolution*¹².

Более того, даже относительно консервативные авторы (Линдсей, 2003) используют тот же подход, заменяя уязвимую для критики идею помощи идеей расширения практики договоров о свободной торговле для стимулирования промышленности и ремесел как альтернативы занятию террористической и иной насильственной деятельностью.

Схожей позиции придерживается Бруно Фрей (Freu, 2004) – автор одной из первых книг, в которой проблема терроризма анализируется с помощью экономических подходов. Он отрицает эффективность силового сдерживания терроризма, приводя в подтверждение своих взглядов следующие аргументы.

Силовое сдерживание, по мнению автора, эффективно только против государств, поддерживающих терроризм, но не против гибких и разветвленных террористических структур. Оно не дает привлекательной альтернативы участникам террористической деятельности. Оно угрожает конституционным основам правовых государств. В частности, оно делает их более милитаризованными, централизованно управляемыми и, следовательно, более уязвимыми и менее гибкими.

Чарльз Роули (Rowley, 2005) присоединяется к Фрею, полагая, что бесконечная война с терроризмом похоронит американскую

¹² См., например: (I. Maoz, M. Katz, L. Ross, August 2002) или (C. Sprecher., K. DeRouen Jr., April, 2002).

Конституцию и все защищаемые ею права, поскольку в военное время воля людей к защите конституционных прав ослабевает.

При этом следует отметить, что в подтверждение своей теории Фрей приводит лишь довольно странный пример с атакой Ливии Соединенными Штатами по приказу Р. Рейгана, после чего Ливия стала якобы еще более активно поддерживать терроризм. Откуда автор почерпнул данные для столь смелой оценки, остается неясным. Никакой верификации теоретические построения книги не предусматривают. Даже, казалось бы, очевидные стремления инвестировать в человеческий капитал (образование) отсталых стран обосновываются прежде всего ссылками на лидеров общественного мнения (нобелевских лауреатов Десмонда Туту, Ким Дэ Чжуня, а также на далай ламу), а не на экономическую аргументацию, основанную на статистических данных и их анализе.

Проблема, однако, в том, что любые ресурсы, любые возможности для развития бизнеса в обществе, основанном на праве силы (Rule of Force – см. (May, Жаворонков, Яновский, 2002, 2003)), в принципе не могут быть использованы по мирному назначению. Это объясняется тем, что любой заметный экономический или иной успех рассматривается как вызов лидеру-насильнику («Roving bandit», Олсон, 2000), а гарантии неприкосновенности инвестора отсутствуют. Поэтому капитал не может работать так, как это привычно и естественно для ученых Европы и Америки. По каким рациональным причинам лидер-насильник (roving bandit) должен отказываться от такой апробированной и эффективной для него лично стратегии, остается непонятным. И этот тезис подтверждается, на наш взгляд, самыми разнообразными практиками. Среди них можно упомянуть, в частности, практики руководителей организованных преступных группировок от СССР/ России до Италии и США; способы управления режимов типа красных кхмеров (Куртуа, Верт и др., 1999) или И. Амина, наконец, случай из истории «второй» (1996–1999 гг.) чеченской независимости (инцидент с уничтожением в декабре 1996 г. персонала госпиталя Междуна-

родного Красного Креста за то, что руководство госпиталя нанимало на работу местных жителей без разрешения лидеров банд¹³).

Иными словами, все ресурсы будут неизменно концентрироваться в руках лидера-насильника и расходоваться для расширения и укрепления его власти. Об этом же свидетельствует практика непомерных расходов на войну и на аппарат для внутренних репрессий в некоторых наиболее отсталых странах (Северная Корея, Куба, Руанда, Бурунди, Уганда, Эритрея, Эфиопия), несмотря на все увещевания и расчеты «сколько можно было бы построить фабрик, школ и больниц вместо покупаемых вертолетов и танков».

Против концепции лечения проблем отсталости массивированной международной помощью косвенно выступал М. Фридман, обращавший внимание на отрицательные последствия деятельности международных финансовых организаций. По его мнению, она приводит к росту безответственности правительств стран-реципиентов, а также инвесторов стран-доноров, уверенных, что любые их ошибки будут покрыты международной помощью.

М. Тэтчер (2003) резко осуждает идеи Брандта, утверждая, что сочувствие, замешанное на ложном чувстве вины, лишь вредит странам, чьи проблемы прежде всего сводятся к дурному и коррумпированному управлению.

Она же приводит цитату из выступления президента Танзании Джулиуса Ньерере 1975 г., которая благодаря известной простоте изложения и откровенности автора в сжатой форме представляет основные идеи всевозможных комиссий Брандта и т.п. Но что особенно ценно – она отражает восприятие этих идей теми, кто несет всю полноту ответственности за бедственное положение населения отсталых стран.

«Я заявляю, что это несправедливо: ставить подавляющую часть населения мира в положение нищих, лишенных достоинства. В едином мире, как и в едином государстве, если я богат потому, что вы бедны, или я беден потому, что вы богаты, перераспределение богатства в пользу бедных должно осуществляться по праву, а не из благотворительности». Действительно, инвестиционный климат

¹³ Поселок Старые Атаги, декабрь 1996, www.vif2.ru/static/512/112267.html – сайт военно-исторический форум; <http://news.iof.ru/lenta.ru/2004/03/26/22> – лента новостей – об аресте подозреваемых в организации расстрела медиков.

страны Rule of Force таков, что исключает долгосрочный экономический рост ВВП на душу населения. Удел этого показателя в таких странах – колебание около стабильного и удручающе низкого значения (см., к примеру, историческую статистику в работе (Мельянцева, 1996)). Поэтому восприятие «ты богат потому, что я беден» и наоборот для таких стран естественно. Как естественны тяжелейшие экономические последствия социалистических экспериментов в и без того небогатой стране. Экономическая помощь рано или поздно начинает интерпретироваться лидерами таких стран как дань, уплачиваемая миром великому лидеру в знак признания его величия (см. пример Ким Ир Сена и Ким Чен Ира).

Даже опыт стран с переходной экономикой, чья институциональная структура существенно отличается от остальных стран «третьего мира» с бандитскими режимами, показывает, что иностранная помощь эффективна там, где без нее вполне могут обойтись (Мау, Яновский, 2003). Там, где институты создают стимулы для инвестиций и защищают индивида, его права, создают возможность для долгосрочных трансакций, делают государство подотчетным и прозрачным для общества – каждый дополнительный доллар независимо от его источника тратится более или менее эффективно. Это означает, что с максимальным эффектом можно помогать беднякам в США или Швейцарии, но не в Руанде или Танзании.

Закончим рассмотрение сюжета о бедности как причине ненависти и террора упоминанием статьи М. Шермана (2001). Эта статья представляет редкий пример «политологического империализма» – вторжения политолога в сферу экономического анализа и прогноза с использованием соответствующего научного инструментария и здравого смысла. Автор, комментируя типичную для левых «интеллектуалов» фразу Ш. Переса «Мир на Ближнем Востоке воцарится лишь тогда, когда сравняется уровень ВВП в странах региона», отмечает: «Поскольку нет никаких шансов на то, что ВВП на душу населения в Египте (750 долларов) сравняется с израильским (17 500 долларов), мир будет достигнут только после снижения уровня ВВП в Израиле до 750 долларов в год на душу населения».

Вернемся, однако, к доводам Б. Фрея против ставки на ответное насилие. Отметим, что его аргумент о гибких террористических структурах существенно обесценен тем фактом, что пока все «гибкие» террористические структуры предпочитают базироваться под «крышей» того или иного государства. Несложно предсказать судьбу «Хизбаллы» в случае краха режима аятолл в Иране. Удары по Сирии и арабской автономии серьезно ослабляют террористов. Наконец, главный спонсор фундаменталистских исламских организаций по всему миру – Саудовская Аравия является незаменимым элементом террористической инфраструктуры. Установление контроля над нефтяными ресурсами со стороны правовых государств, более чем оправданное атакой 11 сентября 2001 г., не только ограничило бы возможности Саудов, но и лишило бы доходов все семейство бен Ладенов.

Угрозы ослабления правового характера западных стран опасается далеко не только Фрей. Упомянутый выше доклад Чарльза Роули (Rowley, 2005) сводится к перечислению нарушений прав и свобод американских граждан в период военных действий, главным образом при республиканских администрациях. Однако с позиций теории общественного выбора плач по американской Конституции был бы вполне оправдан, если бы граждане США (Австралии или Великобритании) действительно проявляли спрос на такие меры борьбы с терроризмом, которые противоречили бы их правам и свободам, гарантированным для американцев Биллем о правах.

При этом темой президентской кампании 2004 г., принесшей победу республиканцам, стала, очевидно, не война с терроризмом. В подтверждение достаточно напомнить, что в ключевых штатах, в частности во Флориде, параллельно проводились референдумы, на которых граждан просили определиться: является ли брак союзом между мужчиной и женщиной или чем-то неопределенно политически корректным. Большинство, выступившее против политической корректности, и принесло победные 2% Бушу, старомодно женатому, как и его оппонент, на женщине и при этом несколько не стеснявшемуся подчеркивать этот факт перед своими сторонниками – в отличие от Керри. Ведущее значение «либераль-

ной угрозы семейным ценностям» для победы Буша отмечали многие американские социологи по итогам выборов.

В то же время в мирную пору подавляющее большинство американцев было готово отдать свободу за ощущение стабильности под шоковым впечатлением от Великой депрессии.

Одним из стандартных ответов на критику неэффективности программ помощи стала идея продвижения демократии в отсталых странах. Демократия прописывается таким странам как универсальное средство против коррупции и отторжения населением иных политических и экономических реформ, раздражения против богатых стран, а также для поддержки всевозможных инициатив по умиротворению агрессивных лидеров за счет граждан правовых государств. Идея приобрела столь широкую популярность, что ее проводят формально консервативные лидеры (Дж. Буш-мл. в Афганистане и Ираке) и проповедают «консервативные» солидные журналы¹⁴. В связи с этим важно отметить наблюдения, ярко высвечивающие бессмысленность разговоров и тем более мер по установлению демократии до установления и стабилизации правового порядка, гарантирующего жизнь и неприкосновенность избирателю, налогоплательщику и их потенциальным кандидатам (см. (Мау, Яновский, Жаворонков и др., 2003, с. 43–45)).

Исследования попыток модернизации в отсталых странах, проведенные С. Хантингтоном (2004), также свидетельствуют о неэффективности демократизации без того, что автор, вероятно, назвал бы сменой цивилизации, а мы именуем установлением режима Rule of Law. Особенно неэффективны, судя по описаниям Хантингтона, попытки сочетать переход к демократии с заменой искаженных рыночных институтов неискаженными социалистическими. Правда, сам автор не вдается в анализ эффективности тех или иных мер экономической политики и называет любые попытки изменить действующий порядок попытками модернизации или реформами. Вероятно, опыт многолетних исследований сотен таких неудач укрепил автора в мысли о наличии глубоких цивилизационных противоречий между разными группами стран (Хантингтон, 2003).

¹⁴ The Economist. 2004.

С незапамятных времен в прикладной политике известно эмпирическое правило, особенно важное при реагировании на угрозы и вызовы. Это правило – «поощряй лояльность и наказывай нелояльность» – уже сравнительно недавно попало в поле зрения теоретиков-социологов. Оно хорошо описывается игрой типа «дилеммы заключенного», какую использовали Аксельрод и Хэмилтон (Axelrod, Hamilton 1981) при поиске формального подтверждения эмпирического правила в теории рационального выбора.

Индивидуальные стимулы политиков и их сторонников, обеспечивающие кадры для террористической активности, исследуют Е.Л. Глейзер (Glaeser, 2002) и М. Ферреро (Ferrero, 2004).

Е. Глейзер в своей «Политической экономике ненависти» рассматривает «спрос» и «предложение ненависти» как ресурсы, необходимые для мобилизации сторонников при подготовке насильственных действий (революций и т.п.). Автор полагает, что при двухпартийной демократической конкуренции стимулы подавляющего большинства избирателей слишком слабы, чтобы политику потребовалось столь сильнодействующее средство, как ненависть.

Он также делает допущение о том, что ненависть не связана с реальными обидами в прошлом. Автор ссылается на отсутствие всплеска вполне понятной и обоснованной антигерманской и антияпонской истерий в странах-победителях после Второй мировой войны при том, что антисемитизм Гитлера не имел под собой никакой фактологической основы и пропаганда строилась на распространении заведомой лжи и фальшивок вроде «Протоколов сионских мудрецов».

Предложение ненависти в модели Глейзера положительно зависит от доступных политикам, возбуждающим в народе озлобление против некоего врага (поставляющим ненависть), финансовых ресурсов и отрицательно – от интенсивности общения большинства с выделяемой политиком как объект ненависти группой. Спрос на ненависть также сопряжен для ненавидящего с определенными издержками (участие в «процессе», не всегда приятное; альтернативные издержки – упущенная выгода от кооперации с членами меньшинства).

Автор приходит в том числе в результате анализа теоретической (математической) модели к следующим выводам. Ненависть удач-

но «продается» при совпадении («конгруэнтности») ее спроса и предложения. При интенсивном рыночном обмене с «целевой группой» потенциально ненавидимых альтернативные издержки потребления ненависти растут.

Правда, как уже отмечалось при изложении результатов наших работ 2001–2003 гг., такой рыночный обмен из-за высоких рисков едва ли возможен в обществах, в которых «конгруэнтность» «спроса и предложения ненависти» регистрируется чаще всего.

Итальянский исследователь М. Ферреро предпринял попытку обнаружить рациональные основания для потенциального самоубийцы заключать своего рода контракт с террористической организацией. Наиболее продуктивной представляется идея автора отказать психологам, социологам и т.п. в монополии на «иррациональные» объяснения (через ненависть в общепринятом, а не в экономико-теоретическом смысле, через «отчаяние», «отсутствие надежды»¹⁵ и т.п. интерпретации, равно малополезные как для объяснения причин явления, так и для рекомендаций по борьбе с этим злом).

В первом периоде будущий самоубийца получает бонусы от участия в организации. Во втором он с вероятностью P может быть послан на самоубийственное уничтожение «врагов» во втором периоде или не быть послан с вероятностью $(1 - P)$ и получить новый бонус. При определенном сочетании индивидуального коэффициента дисконтирования, величины бонусов в первом и втором периодах, санкций за уклонение выполнения контракта, альтернативной ценности разумного и законного приложения своих сил и значения вероятности P контракт становится экономически оправданным.

Правда, необходимо подчеркнуть, что, несмотря на попытку обосновать свои теоретические модели и выводы ссылками на примеры из истории, последние подобраны и представлены весь-

¹⁵ Приводимая на сайте Министерства иностранных дел Израиля информация (материал 2002 г. «Что было раньше: терроризм или «оккупация»?»), доступная сейчас по адресу: <http://rjews.net/maof/print.php3?id=4385&type=s&sid=18>), включая указания на факты чудовищных по масштабам и жестокости убийств гражданских лиц в ходе массовых погромов 20–30-х годов, а также статистика жертв терактов против гражданских лиц, приводимая в настоящей работе, полностью выводят аргументацию такого рода за рамки добросовестного научного анализа.

ма поверхностно и неубедительно. Автор и сам ощущает слабость ключевого совета политикам «создавать стимулы у членов террористических организаций искать нормальную работу через создание «недискриминационных условий найма», отмечая, что такой подход фактически поощряет протеррористический выбор на первом этапе. Не мешает к тому же учесть, что у лидеров террористов есть не абстрактные механизмы наказания отступника, а вполне реальные инструменты для свирепых пыток и масса возможностей для убийства. Причем информация о такого рода практиках весьма эффективно доводится до сведения населения»¹⁶. Очевидно, что в такой ситуации никаким «недискриминационным приемом на работу» людей из террористических организаций не выманить.

Сочетание плодотворности подхода Ферреро и явной неадекватности его выводов побудило нас предложить модернизированную с учетом практики Израиля модель стимулов к заключению таких контрактов, приведенную в соответствующем разделе.

Книга «Один за всех. Логика групповых конфликтов» (R. Hardin, 1997) представляется своего рода мостом между идеями Глейзера и Г. Беккера. Автор выделяет и четко разделяет власть, основанную на обмене (фактически –на контракте), и власть, основанную на координации. Он показывает огромную мощь, приобретаемую хорошо скоординированной коалицией по сравнению с нескоординированными или хуже скоординированными оппонентами (врагами). Инвестиции в возбуждение ненависти легко интерпретируются в свете его рассуждений, как построение простого и потому надежного механизма массовой координации. А на основе этого механизма координации – ненависти – возможно создание весьма могущественного правительства, вполне свободного и независимого от своих граждан.

Однако государство, которое сталкивается с вызовом движения, эксплуатирующего ненависть и использующего насилие, может предложить – при наличии политической воли – лекарство от такой ненависти и насилия. «Хорошо организованное государство» может атаковать и уничтожать лидеров «революционеров» (террористов), меняя их матрицу ожидаемых выигрышей и лишая их по-

¹⁶ См. фотографии систематически вывешиваемых на мачтах растерзанных трупов в городах Арабской автономии на сайте <http://gamla.org.il/english/feature/lynch2.htm>.

тенциальной радости пожать плоды грядущей революции¹⁷ (террора). Строго в соответствии с моделью Г. Беккера предложение ненависти, революции и насилия при новых значениях ожидаемых выигрышей лидеров революции (террористов) уменьшается.

¹⁷ Hardin, 1997, p. 41–42.

Глава 2. Статистический анализ

2.1. Данные

В нашей работе анализируются временные ряды данных террористической активности. Последняя замеряется по числу жертв, в том числе гражданских, в течение 1 года. Наиболее легкодоступны и систематизированы данные по террористической активности против населения Израиля. Имеются ряды статистических данных начиная с 20-х годов (период Британского мандата) и до наших дней, собираемых государственной страховой организацией «Битуах Леуми». Они страдают определенными неточностями, поскольку государственный страховщик, в принципе, уязвим для политического давления, в силу чего может занижать (для воздействия на общественное мнение) либо завышать (для обеспечения поддержки более широким кругом клиентов действующего правительства) число лиц, признанных пострадавшими именно от террористических нападений. Кроме того, в отличие от частного страховщика, он не имеет сильных стимулов для проверки обстоятельств дела в спорных случаях (к примеру, смерть от сердечного приступа, спровоцированного терактом).

Для проверки использованы статистические ряды, составленные в ходе академического проекта Института международной политики и борьбы с терроризмом (ИСТ, Израиль). Проект регистрирует данные начиная с 1970 г. и располагает меньшими по сравнению с «Битуах Леуми» ресурсами. Поэтому за основу взяты официальные данные, начиная с 1949 г.¹⁸ Существенные поправки (в сторону снижения со 101 до 12 жертв) внесены только по 1991 г. Анализ прессы¹⁹ показал, что всплеска террористической активности в январе 1991 г. не наблюдалось, в то время как данные стра-

¹⁸ Год основания государства – 1948-й; но сам этот год дает экстремально повышенное число жертв, поскольку на него пришлось война за независимость, в ходе которой (и после нее) «Битуах Леуми» регистрировала смерти от террора, включая жертв террора пяти арабских армий на оккупированных ими территориях Израиля. Поэтому не вполне корректно ставить этот военный год в один ряд со всеми последующими годами.

¹⁹ Проведенный экспертами центра МАОФ (Хайфа, Израиль), <http://rjews.net/maof/>

ховщика такой всплеск отмечают. По-видимому, в результате «цепочки давления» – США на правительство Израиля, а того, в свою очередь, на «Битуах Леуми», возмещения было решено выдавать по максимально широкому кругу случаев, включая жертв даже самых отдаленных последствий атак иракских «Скадов», имевших место как раз в январе 1991 г. Это предположение косвенно подтверждается явным преобладанием среди жертв 1991 г. лиц старших возрастных групп (от 50 лет и особенно старше 60 лет). Такого преобладания пожилых людей в другие годы не наблюдается.

2.2. Описание модели

2.2.1. Допущения

Процесс террора и борьбы с ним как одной из опций реагирования интерпретируется как игра. Игроками являются политические лидеры правовых демократических государств (в том числе произвольный *i*-й лидер), организаторы и заказчики террористических актов. Игроки рациональны.

Есть лица и государства, в силу разных причин заинтересованные в спонсировании террористов (делающие «инвестиции» в такую деятельность). Стимулами могут быть стремление к власти или ее расширению и укреплению, рост влияния, повышение самооценки (крайние случаи болезненного состояния рассматривать не обязательно, хотя и возможно).

Руководитель террористической организации стремится к росту престижа и власти. Власть в обществе, основанном на силе, трансформируется в иные ресурсы (богатство) с минимальными издержками и потому всегда предпочтительнее богатства самого по себе.

Политик – лидер демократического государства может быть заинтересован в максимизации ресурсов²⁰, находящихся в его распоряжении в соответствии с моделью Нисканена, или в краткосрочном позитивном изменении настроений избирателей для про-

²⁰ Например, на осуществление программы помощи «развивающимся странам» или внешнеполитического проекта в поддержку «мирного процесса» – так администрация Б. Клинтона пыталась провести через конгресс ассигнования на поддержку «мирного процесса» (Ш. Зингер, 2001 (Saul Singer)) <http://www.jcpa.org/jl/vp456.htm>

дления мандата на приближающихся выборах. В таких ситуациях политик заинтересован в достижении формальных договоренностей с террористами и их лидерами (об освобождении удерживаемых в заложниках граждан определенной страны в обмен на политические уступки и/или экономическую помощь²¹).

Лидер в отсталом обществе, основанном на власти насилия, имеет два очевидных направления приложения сил (инвестиций ресурсов насилия). Первое – организация извлечения ренты из оседлых соплеменников с постепенным переходом к карьере стационарного бандита (лидера-насильника). Второй – набеги на богатых соседей. Иными словами, карьера классического «бродячего бандита». История Древнего мира и Средневековья демонстрирует десятки случаев, когда выбор делался в пользу набегов на богатых соседей.

Граждане любой страны предпочитают такие ценности, как жизнь и свобода, любым другим. Многие имеют лексикографические предпочтения, ставя на первое место ценность жизни, затем личной неприкосновенности и лишь затем собственности и иных благ. Поэтому до достижения гарантий получения (сохранения) приоритетных благ они склонны игнорировать такие блага, как иностранная помощь, предпринимательские доходы или возможности высокого заработка на частном предприятии и т.п., особенно если доступ к таким благам увеличивает риски жизни и неприкосновенности личности.

2.2.2. Проверяемые гипотезы

Гипотеза № 1: Террористическая деятельность может сдерживаться переговорами, уступками, экономической помощью и иными мерами, ведущими к подъему благосостояния и снижающими фрустрацию населения.

Альтернативная гипотеза (гипотеза № 2): террористическая деятельность может сдерживаться в рамках подхода экономической теории преступления и наказания. Сдерживание происходит благодаря повышению вероятности возмездия, а также в преде-

²¹ Например, программа помощи наименее развитым странам или реализация политически мотивированных проектов поддержки «мирного процесса» клинтоновской администрацией («Помощь для мира» – «Aid for Peace»).

лах, определяемых институциональной системой государства и/или общества, противостоящего террору, уровня жесткости наказания.

Как и в теории преступления и наказания, предполагается, что силовое воздействие на лидеров такого общества снижает вероятность их агрессивного поведения постольку, поскольку наказание серьезно и неотвратимо (вероятность и жесткость санкций).

Тогда, по Беккеру, предложение преступлений (терактов) будет выражаться через формулу:

$$O_i = O_i(p_i, f_i, u_i), \quad (1)$$

где O_i – число терактов в i -й год; u_i – полезность, почерпнутая организаторами и заказчиками (инвесторами) от совершения теракта; p_i – вероятность наказания организаторов и заказчиков; f_i – показатель жесткости наказания.

Переписывая для наглядности соотношение (1) в соответствии со знаком производной и игнорируя связь полезности организаторов u_i с вероятностью наказания p_i и сопряженным с ним большим или меньшим душевным комфортом, а также с уровнем жесткости наказания (f_i), получаем:

$$O_i = u_i / p_i f_i.$$

2.2.3. Переменные

Объясняемой переменной в модели является показатель жертв среди гражданского населения в i -м году.

Независимыми являются три логические **переменные**. **Первая** логическая переменная означает проведение политики полного отказа от переговоров с террористами (наличие законодательного запрета под угрозой уголовного преследования). Такой запрет действовал в Израиле до января 1993 г. Это облегчает расстановку значений переменных по годам: 1992 г. – последний, в котором значение переменной равно 1. Стратегия «Зуб за зуб» фактически использовалась всеми правительствами Израиля до правительства Рабина-Переса 1992–1996 гг. Правительство Нетаньяху отчасти вновь вернулось к ней, однако не восстановило уголовной ответственности за переговоры с террористами (в частности, из Организации освобождения Палестины во главе с

Я. Арафатом). Поэтому значение независимой логической переменной «Стратегия правительства: «Зуб за зуб» и запрет на контакты с террористами по закону» для 1997–1999 гг. установлено «0», для 1949–1992 гг. – «1» и для остальных лет – «-1».

Гипотеза о возможности дестимулирования террористической активности уступками проверяется **второй логической переменной**: «Стратегия правительства – умиротворение террористов уступками и предоставление под их контроль территорий для создания государства». Такой стратегии в чистом виде придерживались правительство Рабина-Переса 1992–1996 гг. и правительство Эхуда Барака 1999–2000 гг. Ее же в основном придерживается и действующее правительство Шарона, поддержавшее, хотя и с оговорками, план «Дорожная карта», разработанный США, ЕС и Россией. При этом оговорки касались в основном требования к Израилю впустить на остающуюся под его контролем по плану «Дорожная карта» территорию 4 миллиона арабов, успевших зарегистрироваться к настоящему моменту в качестве «палестинских беженцев», а не стратегии отношения к террору.

Голосование в правительстве Израиля 25 мая 2003 г. за «Дорожную карту» и отказ от предвыборного обещания «не вести переговоров под огнем» дают формальное основание поставить значение «-1» по первой переменной и значение «1» по второй для 2000–2003 гг.

Независимая переменная (масштабный ответ террору), принимающая значение «1» в течение 10 лет после проведения полномасштабной армейской операции за границей, направленной на разгром инфраструктуры террора, нанесение ударов по странам, покровительствующим террору, и максимальных потерь террористов в живой силе. Под такое определение подпадают операции 1956 г. (Синайская кампания), 1978 г. («Литани») и 1982 г. («Мир Галилее») – против ООП в Ливане. В одном из вариантов расчета поставлена «1» также на 1971 г.: год после черного для террористов сентября – их неудачной попытки свергнуть династию Хашимитов в Иордании и последовавшей депортации банд, возглавлявшихся Арафатом.

2.2.4. Голосование за и против террористов: общественный выбор и стимулы к террористической деятельности

Резонно предположить, что способность демократического государства сопротивляться любой внешней агрессии зависит от предпочтений избирателей. Если избиратели твердо настроены защищать свою свободу (Финляндия – 1939 г., Великобритания – 1940 г., Израиль – 1948, 1967, 1973 гг.), вероятность успеха существенно повышается. Если они тверды в обратном намерении (Чехословакия – 1939 г., Франция – начиная с 1940 г., Испания – 2004 г.), очевидно, что шансы «бродячих бандитов» – в частности, террористов – на успех растут.

Рассортировав партии Израиля в зависимости от их отношения к переговорам с террористами, уступок террористам (крайняя степень оппортунизма), уступок соседним государствам с квазилегитимной властью, основанной на силе, уступок «мировому сообществу», мы постарались проверить статистическую связь их электоральной поддержки со средним числом жертв (мирного населения) за период соответствующей каденции. В условиях парламентской республики анализировались, естественно, выборы в парламент (кнессет).

Результаты статистического анализа влияния правительственной стратегии и «спроса» на террор со стороны избирателей представлены ниже.

2.3. Результаты статистического анализа и их интерпретация

Мы оцениваем значения коэффициентов в трех парных регрессиях:

$$N_{vict} = a_0 + a_1 T_{fort} + \varepsilon \eta \quad (2)$$

$$N_{vict} = a_0 + a_1 P_{eace} + \varepsilon \eta \quad (3)$$

$$N_{vict} = a_0 + a_1 A_{gres} + \varepsilon \eta \quad (4)$$

где N_{vict} – объясняемая переменная; T_{fort} , P_{eace} , A_{gres} – три независимые переменные – соответственно:

- стратегия правительства: «Зуб за зуб» и запрет на контакты с террористами по закону;
- стратегия правительства: переговоры с террористами и попытки их умиротворения через экономическую помощь;
- 10 лет после каждой полномасштабной заграничной операции Армии обороны Израиля.

Поясним, что независимая переменная в первом соотношении представляет собой логическое произведение двух логических переменных: стратегия правительства: «Зуб за зуб» («1» – определено да, «-1» – определено нет, «0» – неопределенная ситуация) и запрет на контакты с террористами по закону («1» – наличие запрета, «0» – отсутствие такового).

Таблица 1

Результаты статистического анализа стратегии правительства Израиля

№ п/п	Объясняемая переменная	Независимые переменные	Значение коэффициента при независимой переменной	Значимость	R^2 нормированный
1	2	3	4	5	6
1	Число гражданских жертв террористических актов в Израиле в i -м году	Стратегия правительства: «Зуб за зуб» и запрет на контакты с террористами по закону	-36,93	0,000	0,306
2	Та же	Стратегия правительства: переговоры с террористами и попытки их умиротворения через экономическую помощь	37,74	0,000	0,340

1	2	3	4	5	6
3	Та же	10 лет после полномасштабной заграничной операции Армии обороны Израиля	-37,02	0,0037	0,130

$$N_{vict} = 63,26 - 36,93 T_{fort} \quad (5)$$

(7,35)

$$N_{vict} = 64,45 + 37,74 P_{eace} \quad (6)$$

(6,90)

$$N_{vict} = 53,4 - 37,02 A_{gres} \quad (7)$$

(12,20)

Стратегия «умиротворения и помощи» (соотношение (6)) есть не что иное, как поощрение нелояльных. Потому положительная связь между числом жертв и выбором этой стратегии вполне логична. Эффект от экономической помощи в узком смысле этого слова и даже от открытия рынков развитых стран, скорее всего, не сможет его перекрыть, поскольку система стимулов общества Rule of Force, задавая высокий уровень рисков для личности и собственности, подрывает стимулы к инвестициям. Эти стимулы, вызванные рисками, делают долгосрочные и сложные трансакции невыгодными, исключают возможность эффективного и долгосрочного решения проблем бедности.

Поскольку в обществе Rule of Force власть легко трансформируется в богатство, попытки изменить стимулы лиц, принимающих решения в таком обществе, предоставляя им (а не населению, до которого деньги не доходят) финансовую помощь, бессмысленны. Исключение может составлять только такая помощь, которая направлена на изменение соотношения сил, а значит, и власти в данном обществе. Любые ресурсы (к примеру, продукты, направляемые голодающим) будут перераспределяться местными лидерами, контролирующими ситуацию с помощью насилия (пример Сомали в 1992–1993 гг.).

По названным выше причинам свободная международная торговля, будучи, бесспорно, позитивным фактором развития (так как предложение торговать – это не предложение помощи, которая может восприниматься получателем как дань, как признак слабо-

сти дающего и стимулировать к росту насилия с тем, чтобы дань увеличить), также не может радикально изменить ситуацию. Получаемые благодаря производству и продаже товаров и услуг дополнительные блага могут быть в любой момент отняты без компенсации. Более того, они могут стать причиной агрессии против выделяющегося своим благосостоянием члена общества.

Квалификация переговоров с террористами на высоком уровне и реальных (не с целью обмануть и выиграть время в пределах часов или дней) уступок как содействия терроризму и законодательный запрет подобного подхода как тяжелого преступления могут сдерживать террористическую деятельность.

Способность снижать уровень террора, увеличивая с помощью мощных ударов вероятность наказания террориста, а иногда даже и заказчика, также иллюстрируется полученными соотношениями. Отсутствие и даже запрет переговоров, регулярные точечные удары и периодические масштабные операции в течение длительных периодов, как это видно на *рис. 1*, удерживали уровень смертности от террора на относительно невысоком уровне.

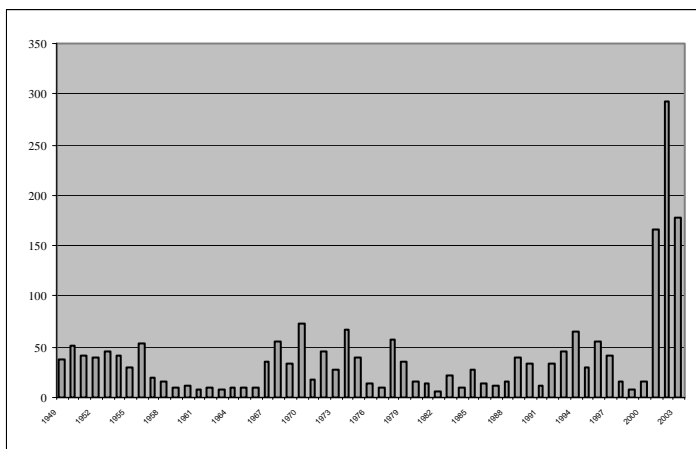

Рис. 1. Историческая статистика террора: число жертв террористических актов в Израиле 1949–2004 гг. (гражданские лица)

Таблица 2

Результаты корреляционного анализа «спроса на терроризм»

		Средне- негодное за каден- цию кнессета число жертв террора	Электо- ральная поддерж- ка пар- тий, вы- ступаю- щих за перего- воры с террори- стами	Электо- ральная поддержка партий, вы- ступающих за террито- риальные уступки террори- стам	Электо- ральная поддержка партий, выступаю- щих за тер- риториаль- ные уступки соседним государст- вам
Среднегодо- вое за каден- цию кнессета число жертв террора сре- ди граждан- ских лиц в Израиле	Коэффи- циент корреля- ции	1,000	0,620*	0,912**	0,702**
	Значи- мость	-	0,01	0,000	0,002
* Корреляция значима на интервале 0,05.					
** Корреляция значима на интервале 0,01.					

Примечание. Объясняемая переменная: среднегодовое число жертв террора среди гражданских лиц в Израиле. 16 наблюдений.

Как и в табл. 1, значимость в табл. 2 обеспечивается в основном последними двумя каденциями, давшими беспрецедентную вспышку террора.

Однако необходимо отметить, что если при отбрасывании одного-двух наблюдений некоторые из приведенных зависимостей и теряют статистическую значимость даже на 5%-м интервале, никакие другие ее не приобретают. То есть никаких свидетельств эффективности «прогрессивной стратегии» не существовало и до 1992 г. Решение перейти к ней в 1992 г. было, таким образом, равносильно решению экспериментально проверить гипотезу, не работающую даже в теории. Поэтому сложно не согласиться с М. Шерманом (2001), утверждавшим, что несторонникам консервативной стратегии («зуб за зуб» и запрет на контакты с террористами) необходимо обосновывать свои предложения, но именно сторонникам отхода от нее и выбора «прогрессивной» стратегии умиротворения террористов необходимо доказать оправданность и приемлемость своего выбора.

Важно подчеркнуть: спад уровня террора в 1998–2000 гг. (соответственно 16, 8 и 25 жертв по сравнению с 56 в 1996 г., когда проблема террора не позволила левым партиям воспользоваться эффектом смерти Рабина и продлить мандат на правление) может быть объяснен, если допустить наличие временного лага от ужесточения политики при ликудовской администрации (1996–1999 гг.), почти заморозившей «мирный процесс», до решения проблемы террора, как это и предусматривалось соглашениями Осло. Арабской автономии был передан единственный из множества намечаемых городов (правда, этот город – Хеврон – без еврейских кварталов).

Соответственно, политика беспрецедентных уступок левой администрации Э. Барака (1999–2001 гг.) с соответствующим лагом объясняет небывалую вспышку насилия в 2001–2003 гг.

Появление последнего лага объясняется, в частности, тем, что, используя для разжигания антиеврейских настроений и «официального старта» кампании террора («интифады») посещение лидером правой оппозиции А. Шароном горы Мория (Храмовой горы – места еврейских храмов), власти Арабской автономии не могли заранее подготовить к запуску организационную машину террора. Ее запуск потребовал наладить регулярную вербовку, подготовку, экипировку, разведку и доставку до целей сотен самоубийц²². Также весьма ободряющим сигналом для организаторов террора могла стать «сдержанная» реакция на убийство израильских резервистов в Рамалле в октябре 2000 г. (обстрел пустых казарм с вертолетов) и оставление на поле боя израильского солдата – друга осенью того же 2000 г. Вместе эти сигналы дали лидерам террористов основание переоценить ожидания относительно вероятности возмездия за свои действия в сторону радикального снижения. Даже частичный отказ от тактики «непротивления насилием»

²² С учетом того, что при нормальной ситуации с осуществлением контроля армии над арабскими районами более 95% террористов-смертников до цели не доходят. См., например, статистику ЦАХАЛа на конец 2004 г., где четко отличаются периоды до марта 2002 г. (начало операции «Защитная стена») и после возобновления практики периодов прямого военного контроля над территориями арабской автономии, хотя и ограниченных по времени. Статистика на английском языке доступна по адресу: <http://www1.idf.il/dover/site/mainpage.asp?sl=EN&id=22&docid=37572.EN>

привел к заметному снижению уровня насилия после пика в 2002 г. Произошло это также с заметным лагом.

После двух вызвавших шок в обществе весенних (2001 г.) убийств детей²³ началась первая крупная операция против террористов «Защитная стена», установлена блокада Арафата и ограничена свобода его передвижения. За 2001–2004 гг. были ликвидированы десятки «полевых командиров» террористов, уничтожены лидеры «Хамас» (что, кстати, не привело к обещанной «невиданной эскалации» террора). Наблюдаемая в 2004 г. смертность от террора уже заметно ниже и уровня 2002 г., и даже соответствующего периода 2003 г.

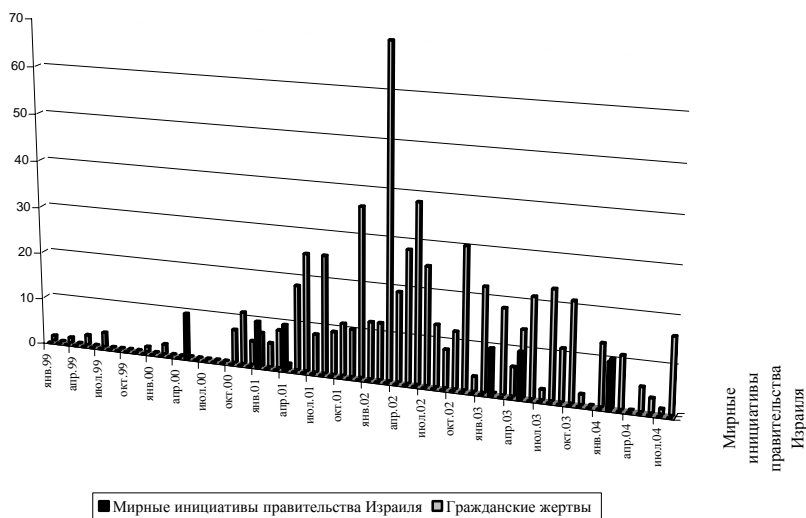

Рис. 2. «Мирный процесс» на фоне ежемесячной статистики гражданских жертв террора

На рис. 2 отмечены следующие основные «умиротворяющие» инициативы правительства Израиля, начиная с 1999 г.:

- уход из Ливана в мае 2000 г.;

²³ Шалевет Пас 10 мес. – застрелена снайпером на руках у отца 26 марта 2001 г., два мальчика забиты насмерть камнями арабами 9 мая 2001 г.

- предложение Э. Барака Я. Арафату создать новое независимое арабское государство со столицей в Иерусалиме и установить контроль над Храмовой горой в январе 2001 г. на переговорах в Табе;
- отказ (обман предвыборных ожиданий) аннулировать соглашения Осло в апреле 2001 г. после победы А. Шарона на выборах главы правительства Израиля и в феврале 2003 г., после победы правых на парламентских выборах;
- одобрение кабинетом «Дорожной карты» в мае 2003 г.;
- опубликование А. Шароном плана одностороннего отступления под огнем из сектора Газа в феврале 2004 г.

Однако нельзя ли попробовать обосновать, играя лагами, обратную гипотезу? Гипотезу о том, что перерывы в террористической активности в начале и в конце 1990-х годов стали ответом лидеров террористов на мирные инициативы и что у них появились надежда на мир и стимул (политический и финансовый) перекалибрироваться из «бродячих бандитов» в стационарные?

Наложение дат особенно значимых мирных инициатив на статистику террора на *рис. 2* с помесечной статистикой показывает проблематичность подбора лагов, позволяющих выявить хоть какое-нибудь положительное влияние тактики умиротворения террористов в среднесрочном периоде так же, как не удалось выявить такое влияние в долгосрочном периоде (см. ниже).

Кроме того, необходимо принять во внимание ряд ограничений. Как известно, главные решения по основному «мирному процессу Осло» принимались в 1991–1994 гг.:

- секретные переговоры левых с террористами из ООП в нарушение прямого запрета закона Государства Израиль;
- отмена соответствующего запрета в 1992 г.;
- заключение соглашений в 1994 г.

В течение всего этого периода ООП пребывала в состоянии полного разгрома. Такое положение обусловлено: ливанской катастрофой 1982 г. (поражение от Армии обороны Израиля, междоусобная война враждующих фракций – просирийской и проарафатовской ООП в Бейруте); дипломатической изоляцией после неудачной ставки Я. Арафата на Саддама Хусейна в 1991 г.; прекращением финансирования со стороны Кувейта и Саудовской Ара-

вии. В это время остатки вооруженных формирований ООП по-прежнему находились в Тунисе и не имели никакой возможности атаковать израильтян. Так называемая «первая интифада», инициированная исламистами, заметно выдыхается, что видно как по динамике жертв, так и по освещению в прессе, теряющей интерес ко все менее эффективным акциям «Хамас» и «Исламского джихада».

На переговорах в обмен на обещание «хорошего поведения» (прекращения террора) арабам были обещаны вполне конкретные территории, деньги, оружие и перспектива иметь собственное государство. До получения обещанных ресурсов от Израиля попытка активных действий была бы заведомо нерациональна. Поэтому такое воздержание от насилия вряд ли можно считать признаком перехода к «стационарному бандитизму». При этом под активами, оговоримся еще раз, понимаются не обещания (создание Палестинского государства), а деньги, территории и оружие.

Как только эти обещания были выполнены, началась заметная активизация террора в 1994–1996 гг. (со взрывами на рынках и в автобусах). При этом наличие формально независимых исламистских структур, контролируемых ООП лишь посредством финансирования (как выяснилось после опубликования документов, захваченных в ходе операции «Защитная стена»), полностью террор не прекращался даже на время ведения переговоров.

«Ямой» активности террористов стал 1991 г. – год совпадения провала ООП с Хусейном и спада «интифады» конца 1980-х. В дальнейшем уровень террора был заметно выше. Локальное снижение (1997–2000 гг.) в период короткой каденции Нетаньяху и сразу после нее никак не может быть использовано как аргумент в пользу мирных переговоров, поскольку основной претензией Б. Клинтона и израильских левых к этому лидеру было как раз замораживание мирного процесса. Кроме того, в период этой каденции была расширена практика применения ответного насилия против террористов, что отмечено соответствующими значениями переменных (см. раздел 2.2.3).

Таким образом, основные мирные инициативы, в принципе, не могли повлиять на поведение обессилевших террористов. Такое решение задачи находится за пределами множества доступных террористам решений. Дальнейшие мирные инициативы (см.

рис. 2) не представляется возможным связать со спадами активности террористов. Для этого не просто недостает наблюдений, но и сама очередность событий крайне затрудняет поиск (подбор) лагов. Очевидно, что основная мирная инициатива этого периода – действие – вывод войск из Ливана не была обусловлена давлением террористов. Говорить о последовавшем четырехмесячном перерыве как о результате мирных усилий всерьез не приходится (см. аргументацию выше о необходимости технической подготовки новой волны террора). Тем более что последующие попытки мирных инициатив, включая предложение передать арабам прямой контроль над Храмовой горой, никакого позитивного влияния на динамику террора не оказали (напротив, уровень террора резко вырос).

Для статистической проверки влияния стратегии умиротворения и военного отпора использована помесечная, а не погодовая статистика. Это обусловлено не только большим количеством точек. При погодовой статистике сложнее установить направление причинности, поскольку при лагах в пределах 12 месяцев событие-причина и событие-следствие сливаются в одну точку. Эта проблема проявилась даже при помесечной статистике, когда оказалось, что существует статистически значимая связь между военными акциями возмездия Армии обороны Израиля и числом жертв среди мирного населения Израиля, что легко объясняется при взгляде на календарь событий. Еще относительно демократическое до начала 90-х годов правительство не могло игнорировать массовые убийства своих граждан – избирателей, налогоплательщиков и рекрутов. В ближайшие дни после каждой бойни армия отвечала массированными ударами по террористам и их союзникам. Такой интервал при помесечных наблюдениях и дает «странный» результат.

Значимые статистические связи между некоторыми переменными могут не нести никакой содержательной информации, так как не дают ответа на вопрос о направлении влияния переменных друг на друга, т.е. о причинности.

Для анализа временных рядов существует методика Гренджера²⁴, помогающая понять направления влияния переменных друг на друга. Тест показывает, насколько текущие значения Y могут быть объяснены предыдущими значениями Y и могут ли значения X с теми или иными лагами улучшить объяснение Y .

Считается, что переменная X гренджер-причина для Y , если X позволяет улучшить объяснение Y .

Для проверки гренджер-причинности мы используем модель:

$$Y = c_0 + c_1 Y_{t-1} + \dots + c_n Y_{t-n} + k_1 X_{t-1} + \dots + k_n X_{t-n} + e_t$$

$$X = d_0 + d_1 Y_{t-1} + \dots + d_n Y_{t-n} + l_1 X_{t-1} + \dots + l_n X_{t-n} + e_t$$

F -статистика является Wald-статистикой для гипотезы об одно-временном равенстве $0: k_1 = k_2 = \dots = k_n = 0$.

Нулевая гипотеза состоит в том, что X не является гренджер-причиной Y .

При этом имеет смысл говорить о том, что X является гренджер-причиной Y , если, с одной стороны, можно отвергнуть гипотезу, что X не является гренджер-причиной Y , а с другой – нельзя отвергнуть гипотезу, что Y не является гренджер-причиной X .

Для анализа причинности была использована следующая модель:

$$CK_t = \alpha^{ck} + \sum_{j=1}^q \beta_j^{ck} CK_{t-j} + \sum_{j=1}^q \gamma_j^{ck} ACT_{t-j} + \varepsilon_t^{ck},$$

$$ACT_t = \alpha^{act} + \sum_{j=1}^q \beta_j^{act} CK_{t-j} + \sum_{j=1}^q \gamma_j^{act} ACT_{t-j} + \varepsilon_t^{act}.$$

Так как переменная, описывающая стратегию правительства (ACT), имеет лишь два значения (0 и 1) и переменная, отражающая количество жертв, также принимает дискретные значения, то для оценки второго уравнения рассматриваются модели дискретного выбора (ordered probit, ordered logit).

В табл. 3 приведены результаты оценки влияния политики применения силы на количество жертв на помесечной статистике. Модель показывает, **что с лагом в 2 месяца это применение силы приводит к сокращению жертв среди мирного населения.**

²⁴ Granger C.W.J. (1969). Investigating causal relations by econometric models and cross-spectral methods // *Econometrica*. № 37. P. 424–438.

Таблица 3

**Влияние политики применения силы на количество жертв
(линейная модель)**

Dependent Variable: CK				
Method: Least Squares				
Date: 06/08/05 Time: 15:41				
Sample(adjusted): 1949:03 2005:01				
Included observations: 671 after adjusting endpoints				
Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
C	1.553006	0.242142	6.413629	0.0000
NONPEACE(-1)	-2.428797	1.639148	-1.481744	0.1389
NONPEACE(-2)	-3.513581	1.634726	-2.149340	0.0320
CK(-1)	0.267703	0.038767	6.905458	0.0000
CK(-2)	0.281142	0.038768	7.251884	0.0000
R-squared	0.194694	Mean dependent var		3.214605
Adjusted R-squared	0.189857	S.D. dependent var		5.769076
S.E. of regression	5.192625	Akaike info criterion		6.139779
Sum squared resid	17957.59	Schwarz criterion		6.173377
Log likelihood	-2054.896	F-statistic		40.25375
Durbin-Watson stat	2.139725	Prob(F-statistic)		0.000000

Таблица 4

**Влияние количества жертв на политику применения силы
(дискретная модель)**

Dependent Variable: NONPEACE				
Method: ML - Ordered Probit (Quadratic hill climbing)				
Date: 06/08/05 Time: 15:52				
Sample(adjusted): 1949:03 2005:01				
Included observations: 671 after adjusting endpoints				
Number of ordered indicator values: 2				
Convergence achieved after 4 iterations				
QML (Huber/White) standard errors & covariance				
	Coefficient	Std. Error	z-Statistic	Prob.
NONPEACE(-1)	-5.799265	0.128940	-44.97636	0.0000
NONPEACE(-2)	-5.919763	0.395605	-14.96384	0.0000
CK(-1)	-0.011611	0.020010	-0.580276	0.5617
CK(-2)	0.005550	0.013958	0.397640	0.6909
Limit Points				
LIMIT 1:C(5)	2.105932	0.148875	14.14560	0.0000
Akaike info criterion	0.180871	Schwarz criterion		0.214469
Log likelihood	-55.68232	Hannan-Quinn criter.		0.193884
Restr. log likelihood	-56.12895	Avg. log likelihood		-0.082984
LR statistic (4 df)	0.893267	LR index (Pseudo-R2)		0.007957
Probability(LR stat)	0.925525			

В табл. 4 приведены результаты оценки модели дискретного выбора для оценки влияния жертв среди мирного населения на политику применения силы в краткосрочном периоде. При этом видно, что нет значимого влияния количества жертв среди мирного населения на политику применения силы в краткосрочном периоде.

Таким образом, мы можем говорить о том, что политика применения силы приводит к сокращению жертв мирного населения в краткосрочном периоде.

Оценивая влияние мирной политики на количество жертв мирного населения (табл. 5), видим, что в краткосрочном периоде она не оказывает значимого влияния.

Таблица 5

**Влияние мирной политики на количество жертв
(линейная модель)**

Dependent Variable: CK				
Method: Least Squares				
Date: 06/08/05 Time: 16:03				
Sample(adjusted): 1949:07 2005:01				
Included observations: 667 after adjusting endpoints				
White Heteroskedasticity-Consistent Standard Errors & Covariance				
Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
C	0.735313	0.272156	2.701803	0.0071
PEACE(-1)	1.696497	1.222128	1.388150	0.1656
PEACE(-2)	0.018475	1.646760	0.011219	0.9911
PEACE(-3)	0.744672	1.127743	0.660321	0.5093
PEACE(-4)	1.490561	1.477191	1.009051	0.3133
PEACE(-5)	2.574388	2.146653	1.199257	0.2309
PEACE(-6)	1.294349	1.770811	0.730936	0.4651
CK(-1)	0.124507	0.050892	2.446490	0.0147
CK(-2)	0.135491	0.052628	2.574480	0.0103
CK(-3)	0.224683	0.112198	2.002558	0.0456
CK(-4)	0.116730	0.049655	2.350806	0.0190
CK(-5)	0.082220	0.056502	1.455172	0.1461
CK(-6)	0.033840	0.069663	0.485766	0.6273
R-squared	0.278872	Mean dependent var		3.208396
Adjusted R-squared	0.265640	S.D. dependent var		5.783121
S.E. of regression	4.955833	Akaike info criterion		6.058306
Sum squared resid	16062.43	Schwarz criterion		6.146066
Log likelihood	-2007.445	F-statistic		21.07606
Durbin-Watson stat	2.010469	Prob(F-statistic)		0.000000

Анализ влияния «мирных» политических инициатив и акций с поиском лагов до 24 месяцев показывает, что в большинстве случаев они либо не оказывают значимого воздействия на количество жертв, либо связаны с ростом числа жертв (табл. 6). Так, мирные инициативы оказались связаны с последующим повышением уровня смертности гражданских лиц с большими лагами (8, 15, 16 и 22 месяца).

Таблица 6

**Влияние мирной политики на количество жертв
(линейная модель)**

Dependent Variable: CK				
Method: Least Squares				
Date: 06/08/05 Time: 16:06				
Sample(adjusted): 1951:01 2005:01				
Included observations: 649 after adjusting endpoints				
White Heteroskedasticity-Consistent Standard Errors & Covariance				
Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
1	2	3	4	5
C	0.606264	0.255379	2.373975	0.0179
PEACE(-1)	0.690815	1.297811	0.532292	0.5947
PEACE(-2)	0.338711	1.574528	0.215119	0.8297
PEACE(-3)	-0.403862	1.368008	-0.295219	0.7679
PEACE(-4)	1.431972	1.574792	0.909309	0.3636
PEACE(-5)	2.476406	1.677079	1.476618	0.1403
PEACE(-6)	-0.935606	2.033251	-0.460153	0.6456
PEACE(-7)	-0.284625	1.227143	0.231941	0.8167
PEACE(-8)	3.848408	1.638293	2.349035	0.0191
PEACE(-9)	0.602178	1.581944	0.380657	0.7036
PEACE(-10)	-0.207180	1.365144	-0.151764	0.8794
PEACE(-11)	3.757631	3.621666	1.037542	0.2999
PEACE(-12)	0.134081	1.688819	0.079393	0.9367
PEACE(-13)	3.199487	2.133442	1.499683	0.1342
PEACE(-14)	0.824255	2.747293	0.300025	0.7643
PEACE(-15)	2.833112	1.495456	1.894481	0.0586
PEACE(-16)	-2.868367	1.484245	-1.932542	0.0538
PEACE(-17)	1.455485	1.544814	0.942175	0.3465
PEACE(-18)	-1.344386	1.331020	-1.010042	0.3129
PEACE(-19)	1.407525	1.943332	0.724284	0.4692
PEACE(-20)	-2.524881	1.426659	-1.769786	0.0773
PEACE(-21)	0.296079	2.417539	0.122471	0.9026
PEACE(-22)	6.715649	3.700663	1.814715	0.0701
PEACE(-23)	-1.741137	1.275091	-1.365500	0.1726
PEACE(-24)	-0.835388	1.210477	-0.690132	0.4904

Продолжение таблицы 6

1	2	3	4	5
CK(-1)	0.143979	0.050521	2.849880	0.0045
CK(-2)	0.108268	0.056103	1.929791	0.0541
CK(-3)	0.169624	0.075286	2.253045	0.0246
CK(-4)	0.077108	0.048942	1.575498	0.1157
CK(-5)	0.041368	0.042030	0.984256	0.3254
CK(-6)	0.020689	0.058723	0.352316	0.7247
CK(-7)	0.150181	0.072059	2.084127	0.0376
CK(-8)	-0.038459	0.056775	-0.677405	0.4984
CK(-9)	0.001138	0.063412	0.017944	0.9857
CK(-10)	0.056118	0.042888	1.308474	0.1912
CK(-11)	-0.072977	0.068292	-1.068599	0.2857
CK(-12)	0.066677	0.045294	1.472086	0.1415
CK(-13)	0.040775	0.040607	1.004116	0.3157
CK(-14)	-0.014121	0.046777	-0.301890	0.7628
CK(-15)	0.041511	0.047697	0.870293	0.3845
CK(-16)	-0.038168	0.062410	-0.611559	0.5411
CK(-17)	0.150416	0.065858	2.283959	0.0227
CK(-18)	-0.064276	0.042159	-1.524613	0.1279
CK(-19)	0.033363	0.047161	0.707437	0.4796
CK(-20)	-0.076151	0.052396	-1.453379	0.1466
CK(-21)	-0.067961	0.040066	-1.696250	0.0904
CK(-22)	-0.063382	0.050719	-1.249655	0.2119
CK(-23)	-0.044385	0.058897	-0.753609	0.4514
CK(-24)	0.052716	0.051789	1.017906	0.3091
<i>R</i> -squared	0.405628	Mean dependent var		3.191063
Adjusted <i>R</i> -squared	0.358078	S.D. dependent var		5.827816
S.E. of regression	4.669247	Akaike info criterion		5.992371
Sum squared resid	13081.12	Schwarz criterion		6.330270
Log likelihood	-1895.524	<i>F</i> -statistic		8.530607
Durbin-Watson stat	1.990956	Prob(<i>F</i> -statistic)		0.000000

На годовых данных получаем похожие результаты. Мирные действия приводят к увеличению числа жертв в следующем году (табл. 7), причем нет значимого обратного влияния, т.е. **мирные действия являются причиной увеличения количества жертв.**

Таблица 7

Dependent Variable: CK				
Method: Least Squares				
Date: 06/08/05 Time: 17:14				
Sample(adjusted): 1951 2004				
Included observations: 54 after adjusting endpoints				
White Heteroskedasticity-Consistent Standard Errors & Covariance				
Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
C	36.44564	14.97201	2.434252	0.0186
PEACE(-1)	37.95274	14.71058	2.579961	0.0129
PEACE(-2)	-18.73058	16.48339	-1.136331	0.2613
CK(-1)	0.744512	0.250570	2.971267	0.0046
CK(-2)	-0.374002	0.248571	-1.504605	0.1388
<i>R</i> -squared	0.640046	Mean dependent var		39.33333
Adjusted <i>R</i> -squared	0.610662	S.D. dependent var		48.23879
S.E. of regression	30.09952	Akaike info criterion		9.734917
Sum squared resid	44393.08	Schwarz criterion		9.919082
Log likelihood	-257.8428	<i>F</i> -statistic		21.78216
Durbin-Watson stat	2.213332	Prob(<i>F</i> -statistic)		0.000000

Глава 3. Международный терроризм после Второй мировой войны: тенденция к максимизации жертв среди мирного населения

3.1. Способно ли международное право и международные организации противостоять терроризму?

Переход с анализа проблем терроризма на национальном уровне (на примере статистических и иных данных Израиля) к анализу собственно международного терроризма представляется весьма важным. Ведь если проблемы неадекватности выбора стратегии остры на национальном уровне в правовом демократическом государстве, где избиратель имеет шанс исправлять ошибки политика и свои собственные хотя бы раз в 4 года, то на международном уровне такая возможность отсутствует в принципе.

На международном уровне нет эффективных правовых институтов, беспристрастного суда, эффективного механизма исполнения правовых решений (enforcement). Фактически, как и на национальном уровне большинства государств, власть в которых основана только на авторитете силы, и несмотря на все декларации и договора, международное право остается правом силы. Поэтому контроль над территорией, «мир в обмен на землю», при котором победитель дарует побежденному мир, отбирая у него землю, является ключевым критерием определения «законности правителя». То есть если некто достаточно силен, чтобы длительное время удерживать территорию, рано или поздно он добивается «международного признания». Причем тем скорее, чем слабее его партнеры по переговорам, еще сохранившие независимость.

Элементы правового порядка в международные отношения привносятся не международными органами, в которых при принятии принципа «одна страна – один голос», как отмечал А.И. Солженицын, представитель миллионов избирателей имеет такой же голос, как и представитель единственного диктатора.

Не случайно наиболее эффективный в истории трибунал, судивший военных преступников, – Трибунал в Нюрнберге – опирался отнюдь не на существовавшую тогда только на бумаге Органи-

зацию Объединенных Наций. Он опирался на волю сильнейших участников антигитлеровской коалиции, подкреплявших свои решения военной мощью и решимостью победителя наказать наиболее свирепых преступников из числа побежденных.

Проблемы, которые выявились на примере Израиля, неизбежно проявляются и на наднациональном уровне. Правда, несмотря на яркость проявлений международного терроризма, возможности для количественного анализа здесь объективно хуже из-за проблемы в сопоставимости определений, данных и т.п.

3.2. Возможные подходы к доказательству «теоремы Грэшема для террористов»

Для тестирования теоремы Грэшема анализируется выборка наблюдений террористических атак с числом жертв более 5 человек. Уровень «более 5» выбран из соображения возможно более четкого разделения собственно террористических нападений от мелких военных или криминальных стычек. Из анализа также исключены случаи убийства официальных лиц, которые вполне отличимы от военных и криминальных стычек. Включение их в анализ может существенно исказить картину, не говоря уже о моральном аспекте такой селекции.

Таблица 8

Основные террористические атаки (в мире) в 1945–2001 гг.

	Число жертв атак боевиков	Число жертв атак террористов типа 1	Число жертв атак террористов типа 2
1	2	3	4
1945	8	0	0
1946	0	0	0
1947	0	40	20
1948	0	0	13
1949	0	0	0
1950	0	0	0
1951	14	0	0
1952	0	0	0
1953	0	0	0

Продолжение таблицы 8

1	2	3	4
1954	0	0	0
1955	0	13	30
1956	0	0	0
1957	0	0	0
1958	0	0	0
1959	0	0	0
1960	0	12	0
1961	0	0	0
1962	0	0	0
1963	0	0	0
1964	0	0	0
1965	0	0	0
1966	0	0	28
1967	6	0	0
1968	0	0	12
1969	0	0	22
1970	0	0	62
1971	0	0	0
1972	7	0	52
1973	0	12	60
1974	0	0	83
1975	0	0	73
1976	0	0	510
1977	0	0	38
1978	0	0	0
1979	18	0	250
1980	6	0	98
1981	0	0	0
1982	0	107	500
1983	0	403	23
1984	0	101	130
1985	9	19	16
1986	6	0	32

Продолжение таблицы 8

1	2	3	4
1987	14	0	4259
1988	11	0	129
1989	0	0	0
1990	0	0	0
1991	0	0	0
1992	0	0	12
1993	0	0	42
1994	0	0	227
1995	0	30	227
1996	19	0	442
1997	0	0	549
1998	0	0	340
1999	0	0	235
2000	0	0	7
2001	11	0	5061

Источник: CDISS Terrorism Programme data (for International terrorism) <http://www.cdiss.org/terror.htm>

Государственный департамент США, исторический отдел (Background Office of the Historian Bureau), список «Terrorist Incidents, 1961-2001: A Brief Chronology»; Шак-бель Баракат. Выступление на слушаниях в Сенате 7 июня 1997 г. <http://www.wlo-usa.org/Opinion/Barakat/Testimony.htm>; Friedman T.L., 7 June 1982. New York Times.

Табл. 8 и рис. 3 отражают тенденцию одновременного роста терроризма второго типа и числа жертв террористических атак. Правда, необходимо учесть, что составитель базы данных террористических атак отнес к таковым (хотя и не без оснований) жертв химической атаки против курдов в 1987 г.

Также полезно обратить внимание на пик «терроризма типа 1» в 1982–1984 гг. при одновременном прерывании тенденции к росту числа жертв «терроризма типа 2». Эти данные показывают целесообразность рассмотрения гипотезы о способности цивилизованных

стран замещать жертвы среди мирного населения жертвами среди военных путем оказания военного давления на террористов²⁵.

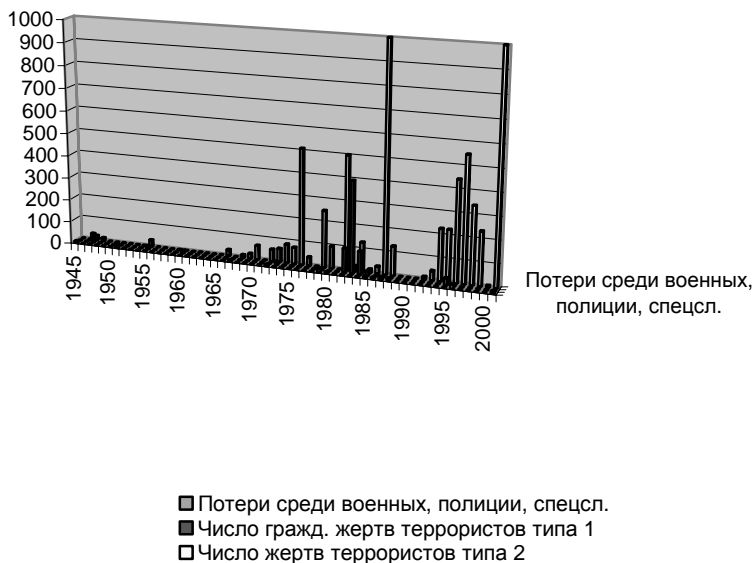

Рис. 3. Число жертв основных атак международных террористов в 1945–2001 гг. (по всему миру)

Проверка этой гипотезы, как видно из раздела 2.2.2, выходит за рамки настоящей работы. Отметим лишь, что агрессивная политическая кампания, проводившаяся левыми во всем мире в 1980–1990 гг. под пацифистскими лозунгами, включая требование вывода войск из Ливана, игнорировала позитивные результаты политики силового умиротворения террористов в Ливане. Приведенные в табл. 9 данные как раз и свидетельствуют о том, что погибавшие в ходе военных операций солдаты и офицеры предотвратили (заместили) своими жертвами мирное население.

²⁵ Примером такого замещения является ситуация на севере Израиля после 1982 г. и до бегства из Ливана по приказу премьеры Барака.

Таблица 9

**Количество израильтян (гражданских лиц), убитых и раненных
на ливанской границе, 1985–1999 гг.**

Год	Убито	Ранено
1985–1988	–	45
1989	–	н/д
1990	–	н/д
1991	–	н/д
1992	2	18
1993	2	31
1994	–	3
1995	2	35
1996	–	34
1997	–	2
1998	1	40
1999	2	40
Всего	9	248

Источник: Сайт Армии обороны Израиля <http://www.idf.il/english/statistics/civilian.stm>.

Схожая ситуация наблюдается и после 2001 г. Давление США и Израиля на террористов привело к росту потерь армий при заметном снижении числа жертв среди мирных граждан демократических стран.

Однако есть вполне реальная опасность, что жизни военных будут вновь, как в Ливане 1999 г., спасаться за счет мирного населения. Первый сигнал – капитуляция Испании и бегство ее войск из Ирака по приказу террористов (причем капитуляция непосредственно по приказу высшей власти демократического государства – по приказу большинства испанских избирателей).

Поэтому пока есть смысл рассматривать угрозу тенденции роста экономической эффективности террора в узком смысле: издержки привлечения ресурсов за каждое дополнительное убийство снижаются, причем особенно быстро они снижаются при убийствах гражданских лиц, т.е. при организации массовых убийств гражданских лиц для устрашения общества и власти.

При этом происходит вытеснение «старомодных» боевиков (ЭТА, корсиканские сепаратисты), террористов первого типа (Курдская рабочая партия или «Тигры освобождения «Тамил Илама», первые арабские террористические группы на территории подмандатной Палестины и т.п., атаковавшие специально военных,

полицейских и должностных лиц государства, хотя и не останавливавшиеся перед «побочным эффектом» – жертвами среди гражданских лиц) бандами, терроризирующими специально и прежде всего гражданское население. Издержки по привлечению внимания на одну жертву при убийстве солдата или полицейского намного выше издержек по убийству гражданских лиц. В демократическом правовом государстве гражданин – это налогоплательщик и избиратель. Поэтому гибель каждого – событие и важный сигнал для остальных. Очевидно, что при равных мерах безопасности против проникновения террористов опытный вооруженный человек – военный с большей вероятностью защитит себя при неожиданном нападении, чем «штатский». Следовательно, для максимизации числа жертв рационально переключаться на мирное население. А поскольку атаки на мирное население в силу большего числа жертв легче «привлекают к себе внимание», то снижаются издержки организаторов и на привлечение рекламы и денег. Благодаря политической корректности как обязательного требования к политикам и журналистам угроза потери престижа в результате использования таких средств резко снижена. Если же лидер террористов достаточно силен, чтобы позволить себе для виду осуждать «крайности» своих подчиненных, то он, как показывает пример Я. Арафата, почти ничем не рискует при переходе на тактику террориста второго типа.

Есть также дополнительные факторы, рационально объясняющие поведение всех участников («игроков»). Современные средства телекоммуникации снижают издержки взаимодействия заказчика террора с организатором. Преобладание гражданских жертв в этом контексте легко объясняется очевидным фактом – стоимость «отчетности» на 1 убитого гражданского лица несравнимо ниже, чем отчетности об убитом военном. При том, что издержки на убийство вооруженного солдата несравнимо выше издержек убийства пассажиров автобуса или посетителей кафе.

Максимизация числа гражданских жертв как элемент профиля предпочтений заказчиков здесь не обсуждается, а констатируется наличие заказчиков с таким специфическим профилем предпочтений. Впрочем, выбор лидерами демократических стран стратегии поощрения лидеров террористов территориальными уступками,

экономической помощью, международным признанием и даже моральной поддержкой (особенно заметной в деятельности правительств Швеции, Норвегии, Бельгии и некоторых других стран) дает возможность объяснить ориентацию на максимизацию числа жертв даже без ссылок на специфические предпочтения загадочной восточной души. Если за лояльность демократии можно заплатить жизнью, а за поддержку террора получить не только гарантии безопасности от экстремистов, но и признание вкупе с материальной поддержкой от демократических лидеров – такая стратегия становится единственно рациональной, разумной для любого лидера любого уровня в отсталой стране, который колеблется в выборе стратегии.

Один из показателей «ухудшения качества» терроризма – конкуренция разных банд за взятие на себя ответственности за все более чудовищные акты насилия (см. подробнее – глава 5). Легко объяснимы и стимулы политиков и журналистов, ориентированных на максимизацию полезности в краткосрочном периоде, кооперироваться именно с наиболее жестокими и циничными террористами второго типа. Такие «партнеры» максимизируют в краткосрочном периоде интерес общественности и повышают известность контактирующих с ними лиц с минимальными издержками.

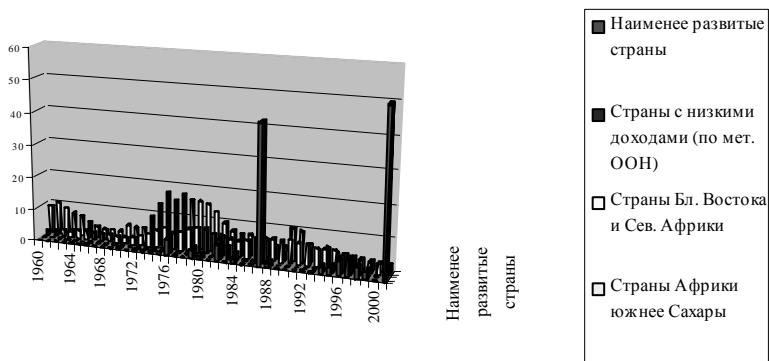
3.3. Международная помощь отсталым странам

Для иллюстрации высказанного выше скептического отношения идеи смягчения агрессивности террористов с помощью международной помощи рассмотрим два примера. Первый – помощь наиболее бедным странам, а также помощь странам Северной Африки и Ближнего Востока. Второй – помощь международных финансовых институтов, иных международных организаций, а также государств Арабской автономии.

Оба примера показывают отсутствие какой-либо связи между уровнем террора и уровнем помощи.

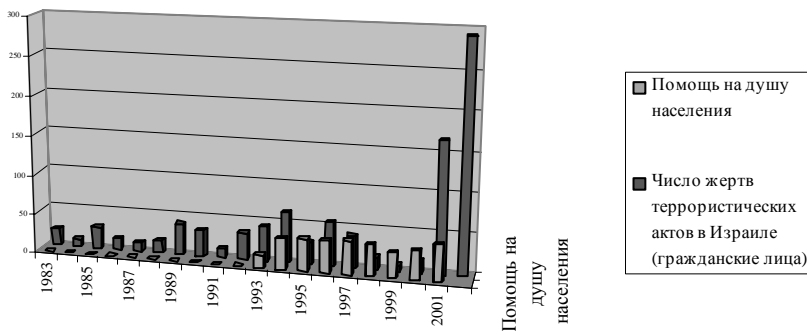
Не исключено, что статистическая зависимость могла бы быть и вполне статистически значимой. Правда, с демонстрацией не отрицательной, а положительной связи между размерами помощи на душу населения и предложением террора. Это вытекает из приведенных выше соображений об отсутствии стимулов к инвестициям

или иному разумному использованию средств в сообществах Rule of Force.

Источник: WDI 2003 (World Bank, 2003).

Рис. 4. Помощь (на душу населения в долларах 1960 г.) странам Ближнего Востока и Северной Африки, беднейшим странам мира по классификации ООН и динамика жертв террора

Источник: WDI 2003 (World Bank, 2003).

Рис. 5. Официальная иностранная финансовая помощь Арабской автономии (Западному берегу и сектору Газа) и динамика гражданских жертв террора в Израиле

Так, *рис. 5* отражает ситуацию на территориях, включенных после 1993 г. в состав Арабской автономии (Западный берег и сектор Газа). В предшествующее начало оказания заметной помощи десятилетие 1983–1992 гг. общее число жертв составило 217 человек. В последующее десятилетие (1993–2002 гг.) в ходе оказания помощи в размере около 30–45 долларов на душу населения в год (в ценах 1960 г.) террористами было убито 767 человек (только из числа гражданских лиц).

Также не исключено, что значимость соотношения между помощью и количеством жертв террора снижается естественными стимулами к расхищению выделяемых для помощи средств и использованию их лидерами террористов для личного потребления при отсутствии эффективного контроля со стороны оппозиции и независимых СМИ.

Мы не будем отдельно рассматривать помощь в рамках программ администрации ООН по помощи палестинским беженцам – UNRWA, в соответствии с которой десятилетиями финансировались лагеря «вечных беженцев», являющиеся центрами по подготовке террористов ((Lantos, 2002); (Pipes, 2003)), а число беженцев неуклонно росло, достигнув, вместо того чтобы снижаться, четырехмиллионной отметки. Это примерно на порядок больше, чем в момент создания названной администрации. Такой случай можно приводить в качестве классического примера бюрократической активности в процессе преподавания модели Нисканена и т.п. ((Lantos, 2002); (Pipes, 2003)).

Примерно столь же эффективна помощь ЕС и отдельных стран ЕС на двусторонней основе автономии. Значительные суммы, выделяемые ЕС (в частности, Германией) тратятся на издание школьных учебников автономии, финансирование принадлежащих автономии электронных СМИ. И учебники, и СМИ не просто используются для разжигания ненависти и подстрекательства, прославления террора и террористов, но сфокусированы на решении именно этой задачи (The Prism Group, 2005 обзоры образователь-

ных программ в лагерях беженцев)²⁶. Было бы странным допускать возможность иного их использования в условиях диктатуры террористов, эффективный контроль за которыми со стороны невозможен.

Предоставление экономической помощи для стимулирования «мирного процесса» на самом деле лишь стимулирует и вдохновляет нелояльное поведение (поскольку помощь с меньшими психологическими издержками воспринимается как дань слабым сильным, а не как подаяние). Любые положительные эффекты даже столь очевидно разумной меры, как открытие рынков развитых стран для производителей из отсталых стран, будут перекрыты негативными эффектами, вызываемыми рисками собственности и собственников в этих странах. Каждый дополнительный доллар, заработанный благодаря новым возможностям в международной торговле, может быть с легкостью изъят безо всякой компенсации. Хуже того, успех может показаться вызовом для бандитской элиты и повысить риски для жизни и свободы успешного предпринимателя.

Таким образом, позитивный эффект может оказаться значимым лишь при условии укоренения в стране институтов правового государства и власти закона. Проблемы выращивания, насаждения, внедрения таких институтов выходят за рамки анализа настоящей работы, хотя представляются одной из важнейших теоретических и практических научных задач.

Как уже подчеркивалось выше, в обществе, основанном на власти силы, эта сила (и власть) легко конвертируется в любые ресурсы (активы) с минимальным риском утраты этих активов и жизни их обладателя. При такой системе стимулов долгосрочное решение проблем бедности и отсталости недостижимо.

²⁶ См. также подборку статей и ссылок на эту тему на сайте www.sedmoykanal.org (сайт одного из основных израильских информационных ресурсов правой ориентации) и на информационно-аналитическом сайте организации Israel Media Watch – <http://www.imw.org.il/>, <http://gamla.org.il/english/index.htm>, и <http://www.israelnationalnews.com/> – мониторинг арабских СМИ.

3.4. Освещение событий: пример Дамура в сравнении с Саброй и Шатилой

Ситуация, связанная с крайне неравномерным освещением двух схожих событий гражданской войны в Ливане, анализируется здесь для того, чтобы проиллюстрировать проблемы, с которыми сталкиваются свободная пресса и читатель (зритель) в условиях войны с участием террористов второго типа.

Некоторые полезные, как представляется, комментарии к истории гражданской войны в Ливане и вторжению Армии обороны Израиля приведены в Приложении 2. Ливанские христиане обвиняют Египет в поддержке террористов из ООП (классический случай террористов второго типа по нашей классификации), устроивших на рубеже 1975–1976 гг. резню в христианском городке Дамур.

Весьма примечательно, что в ответе посла Египта нет прямого отрицания ни факта резни, ни факта поддержки ее Египтом. Суть ответа заключается в ссылке на общеизвестность трагедии в лагерях Сабра и Шатила. В этих лагерях семьи террористов были вырезаны христианскими ополченцами, разгневанными убийством президента Ливана.

При этом посол просто игнорирует информацию о Дамуре. И поступает вполне рационально. Кто слышал о каком-то там Дамуре? Почему же о Дамуре почти никто не слышал²⁷, хотя все действительно слышали про Сабру и Шатилу?

Попробуем найти несколько отличий. Число жертв среди мирного населения было приблизительно одинаковым. Жестокость убийц – также. Повод у христиан формальный был (разумеется, повод, а не оправдание) – убийство президента. Кроме того, как отмечает даже политически корректный журналист New York Times Т. Фридман (см. Приложение 2), подразделения христиан, осуществившие резню в Сабре и Шатиле, включали подростков «детей Дамура».

Упомянутый журналистом повод террористов из ООП – «месть за Тель Заатар» совершенно несопоставим с масштабами резни

²⁷ Изучение подшивки газеты New York Times за 1975–1976 и 1982 гг. выявило разницу по объему освещения самих событий и реакции на них «общественности» при резне христиан и мусульман в несколько десятков раз не в пользу христиан из Дамура.

христиан. Вопреки политкорректному замечанию Т. Фридмана, приведенному в Приложении 2, Тель Заатар был обычным для этой войны сражением, в котором формирования Арафата использовали тактику живого щита, но все равно проиграли. Мстили они, таким образом, невинным безоружным людям за свое военное поражение. Но в чем же тогда могут заключаться причины столь вопиющей асимметрии в освещении этих двух событий? Предложим несколько гипотез, каждая из которых, как представляется, в той или иной мере способна объяснить разницу.

1. Бойня в Дамуре представляла собой резню христиан. Христиане не относятся к «защищаемым» политической корректностью и ее идеологами группам – в отличие от мусульман, вырезанных в Сабре и Шатиле (см. определение «политическая корректность»). Заметим, что схожая логика (необходимости поощрения наиболее диких режимов с целью их умиротворения; нецелесообразности фиксации внимания на жертвах среди – согласно циничной оценке предшественников политической корректности – «второсортного меньшинства») требовала подавления критики Гитлера в Великобритании (на что указывал в свое время У. Черчилль) во имя мира.

2. Резня в Дамуре произошла на территории, контролируемой бандами террористов второго типа. Издержки сбора информации в такой ситуации несопоставимо выше²⁸, чем на территории лагерей беженцев в сентябре 1982 г. В последнем случае «либеральные» (политически корректные, как сказали бы сейчас) журналисты могли без особых проблем интервьюировать выживших, иных свидетелей. Никаких серьезных причин опасаться расправы со стороны Армии обороны Израиля у них не было. В то же время, найдись в 1975–1976 гг. энтузиаст, пожелавший осветить ситуацию в Дамуре «по горячим следам», у него, скорее всего, не получилось бы это в силу либо невозможности попасть в Дамур, либо невозможности покинуть его с такой информацией. Таким образом, его способ-

²⁸ См. более свежий пример и спецификацию некоторых дополнительных издержек для местных и иностранных корреспондентов на территориях, контролируемых террористами из так называемой Палестинской автономии – Kh. Abu Toameh (2004).

ность создать Memorable story (впечатляющую историю) была близка к нулю²⁹.

3. Правила политической корректности, глубоко укоренившиеся в последние десятилетия, сформировали некое подобие картеля на медиа-рынке, способного наказывать за девиантное поведение (отклонение от леволиберального стандарта освещения событий). Это могло привести к отсеву информации «постфактум» – замалчиванию резни в Дамуре, снижению числа ссылок на это событие и т.п. (см. также объяснение возможности смещенного, необъективного освещения событий, предложенное (D. Sutter, 2001)).

4. Наконец, террористы могут позволить себе подкупать журналистов при умеренном уровне транзакционных издержек – в отличие от лидеров правовых демократических государств и групп³⁰.

3.5. Шкала ценностей человеческой жизни

Разумеется, в данном небольшом параграфе не предпринимается попытка решить столь щепетильную и технически сложную задачу, как создание универсальной шкалы человеческой жизни (тем более в кардиналистском варианте – с учетом в долларах США 1990 г., к примеру). Однако, как будет показано ниже, орди-

²⁹ См. объяснение возможности смещенного, необъективного освещения событий, предложенное (S. Mullainathan, A. Shliefer, 2002).

³⁰ Зачастую граница между подкупом и угрозой размыта. Так, CNN признало цензуру сообщений из саддамовского Ирака с целью защиты своих сотрудников в стране (см. <http://www.able2know.com/forums/about6349.html>, <http://www.opinionjournal.com/best/?id=110003329> «In a New York Times op-ed, Eason Jordan, CNN's chief news executive, acknowledges having covered up major news stories in Iraq for fear that the regime would kill its journalists or expel the network from Iraq»). По тем же соображениям руководство агентства Рейтер протестует против использования в статьях рядом со ссылками на агентство термина «террорист»: это, дескать, угрожает остающимся в горячей точке журналистам (по поводу статьи в канадской газете National Post принадлежащей концерну CanWest от 14 сентября 2004 г. – см. сообщение на сайтах <http://www.presscampaign.org/news4.htm> и <http://www.cjnews.com/viewarticle.asp?id=4448>, где приводится объяснение представителей агентства: «...one reason Reuters gave for its opposition to CanWest's policy: That using the word terrorist could endanger a reporter covering a volatile area»). Это не лишено резона. Но тогда для объективности и агентства, и телеканал должны были уведомлять потребителей информации о том, что они работают под цензурой, осуществляемой террористами. Иначе необъективное – в пользу террористов – освещение событий неизбежно.

налистские шкалы фактически существовали, хотя никогда не были узаконены.

До последней трети XX в. при ведении войн правовыми государствами действовала негласная, но очевидная лексикографическая шкала ценностей. Наиболее ценной была жизнь своих избирателей-налогоплательщиков. Сбережение их жизней было приоритетной задачей. Далее следовала ценность жизни союзников, затем – остального населения (не комбатантов). Ниже всех ценились жизни врагов-комбатантов (каковые резонно расценивались как «антиблаго»). Очевидно, что само выражение «избыточное применение силы» в отношении врагов могло расцениваться только как осуждение неэкономичного способа ведения военных действий, когда то же число врагов могло быть уничтожено с меньшими издержками (например, легко было убить террориста из снайперской винтовки, а дом снесли выстрелами из танкового орудия или авиабомбой, оплатив вылет дорогого самолета).

Всплеск терроризма и усиление его направленности против гражданского населения развитых стран совпал с пересмотром этой шкалы. Список источников, регулярно обвиняющих Израиль, а в последние годы также США и Великобританию в «избыточном применении силы», в данной работе в силу ограниченного объема текста не приводится. Среди обвиняющих – как левая пресса, так и официальные лица Франции, Европейского союза, Организации Объединенных Наций и многие другие.

Однако судьи Государства Израиль пошли намного дальше иностранных критиков еврейского государства. Так, судьи Верховного суда Израиля Аарон Барак, Элияху Маца и Мишаеэль Хешин в своем решении от 30 июня 2004 г. об участке стены безопасности в районе Иерусалима³¹ постановили, что «Государство Израиль не проявило достаточного внимания к ущербу, который причиняется данным проектом **ХОЗЯЙСТВЕННЫМ** и гуманитарным интересам палестинского населения».

³¹ HCJ 2056/04 Beit Sourik Village Council v. The Government of Israel Commander of the IDF Forces in the West Bank. The Supreme Court Sitting as the High Court of Justice, § 76 – см. сайт Верховного суда <http://62.90.71.124/eng/verdict/framesetSrch.html> Выдержка из перевода на русский язык – группы МАОФ. Английский текст вердикта доступен по указанному адресу.

Судьи решили, что этот ущерб «настолько велик, что при наличии действительной потребности в заградительных сооружениях в данном районе следует выбрать иной контур строительства, **даже если он будет в меньшей степени обеспечивать израильские нужды безопасности, лишь бы меньшим оказался ущерб, причиняемый палестинскому населению**» (*выделено авторами*).

Это решение³² фактически создает новую шкалу ценности человеческой жизни. В соответствии с данным прецедентом даже имущественные интересы населения, поддерживающего террористов (вольно или по принуждению), могут быть поставлены выше, чем интересы сохранения жизни собственных граждан правового государства, включая гражданское население. Очевидно, что никакая эффективная стратегия борьбы с террором не может быть совместима с новой шкалой «политически корректных» ценностей.

Оставаясь в рамках подобных решений, правовое государство может сохраняться некоторое время как правовое. Но вряд ли оно может сохраниться в долгосрочной перспективе как государство. Институт государства, основанного на явном или неявном контракте (каковым и является правовое государство), существует потому и только потому, что, получая налоги, оно выполняет вполне определенные обязанности перед гражданами, эти налоги платящими. Поставляет им общественные блага, главные из которых – безопасность гражданина и правовой порядок. Отказ признания государством своей первоочередной, приоритетной по сравнению с международной репутацией и т.п. факторами задачей защиты жизни своих граждан и налогоплательщиков – есть отказ от поставки блага «безопасность». Придание этому решению формы судебного решения с силой прецедента – есть частичный отказ и от поставки общественного блага «правосудие».

Стимулы рационального гражданина и избирателя разорвать контракт, уклоняться от налогов и несения иных обязанностей перед государством и обществом в такой ситуации очевидны и про-

³² В Израиле, как и в Великобритании и США, действует система обычного права, основанная в значительной мере на судебном прецеденте. Особую роль играют прецедентные решения Верховного суда.

порциональны тяжести налогового бремени и вероятности стать жертвой террора.

Для того чтобы государство сохраняло способность в полном объеме поставлять хотя бы «чистые общественные блага», необходима ясная система ценностей, которую есть смысл заимствовать из прошлого, когда в XX в. удалось не только разрушить мощнейшие тоталитарные империи, но и осуществить успешный экспорт институтов в некоторые бывшие тоталитарные страны. В результате успешного насаждения экспортированных институтов посредством долгосрочной оккупации изменились основные стимулы подавляющего большинства граждан этих стран. Изменились таким образом, что эти страны перестали представлять угрозу для своих соседей. Приоритет ценности жизни законопослушного гражданина правового государства должен быть восстановлен, как часть той, упомянутой выше неформальной шкалы ценностей человеческих жизней, которая фактически действовала на протяжении большей части XX в.

Глава 4. Правила игры

Анализ личной мотивации игроков, хотя бы и на примитивном, но формализованном уровне, является важным дополнением проделанного выше анализа доступной статистики. Такой анализ в сочетании с демонстрацией соответствующей статистической взаимосвязи факторов и/или ссылками на примеры позволяет достичь существенно лучшего объяснения, нежели только статистический анализ, могущий продемонстрировать формально сильную статистическую связь, не имеющую, однако, содержательного смысла. Также явно недостаточным представляется использование только лишь математического анализа мотиваций игроков. Такой анализ с использованием зачастую весьма изощренных моделей широко распространен в современной экономической литературе, однако, будучи мало связанным или вовсе не связанным с возможностями статистической проверки полученных зависимостей, он является не более чем строгим изложением той или иной гипотезы.

Разумеется, представленная ниже модификация модели М. Ферреро существенно сложнее, чем та простейшая модель, которая легла в основу статистического анализа. Однако в ходе дальнейших исследований она может также стать объектом статистической верификации на соответствующих именно ей данных.

4.1. Усовершенствованный «контракт на самоубийство»

В уже упомянутом докладе М. Ферреро 2004 г. «Контракты на самоубийство» предложена понятная и наглядная модель, которую для «совместимости» анализа мы возьмем за основу, однако модифицируем с тем, чтобы сделать ее, как нам кажется, более реалистичной. По крайней мере, для ситуации войны террористов (включая упоминаемый итальянским исследователем «Хамас») против Израиля.

Итак, обозначим полезность террориста, готового пойти на самоубийство, как Eu^m , уклоняющегося от самоубийства – Eu' , выгоды от участия в террористической организации в первом периоде B_1^a , во втором периоде – B_2^a , вероятность приказа совершить са-

моубийство – P . Индивидуальная ставка дисконтирования – r . «Вступительный взнос» при присоединении к организации – C , санкции против ренегата – S .

$$Eu^m = B_1^a - C + 1/(1+r) [(1-P) B_2^a + P(0)], \quad (8)$$

$$Eu^f = B_1^a - C + 1/(1+r) [(1-P) B_2^a + P(B_2^a - S)] = B_1^a - C + 1/(1+r) (B_2^a - PS). \quad (9)$$

Для того чтобы кто-то присоединился к террористам, обретаемая им полезность от контракта должна превышать полезность мирной жизни:

$$Eu^f \geq U^0, \quad (10)$$

$$Eu^m \geq U^0, \quad (11)$$

где U^0 – альтернативная полезность от нормальной жизни без сотрудничества с террористами.

Санкции рациональной террористической организации должны перевешивать блага второго периода с тем, чтобы не возникло соблазна уклониться от соблюдения контракта:

$$B_2^a - S \leq 0. \quad (12)$$

Наша модификация модели сводится к следующим изменениям.

1. Вступительный взнос в террористическую организацию может быть и отрицательным (в организацию могут заманивать). Для простоты мы просто примем его за 0 ($C=0$).

2. Для ренегата $B_2^a=0$, так как не вполне понятно, какими благами, кроме альтернатив мирной жизни, может воспользоваться «предатель». Тем более ему недоступны блага, предоставляемые террористической организацией лояльным членам. Поэтому в уравнении полезности дезертира этот член отсутствует.

3. Введем ряд новых переменных, необходимых для придания модели минимальной реалистичности применительно к упомянутой ситуации:

V^m – полезность смерти (разумеется, отрицательная: $V^m << 0$).

В модели Ферреро она принята за 0. В данном случае это не вполне удобно, так как мгновенная смерть от взрыва «пояса шахи-

да» и смерть в пыточной камере ПА или «Хамас» – это существенно разные антиблага³³, что и отражается в соотношении для санкции:

$$S = K_{torture} * V^n,$$

где $K_{torture} \gg 1$ – коэффициент мучений.

Важно отметить, что приведение в исполнение приговора, вынесенного «отступникам» террористами, зависит не только от воли последних. Если правовое государство решительно преследует террористов, тем не до игр в «народное правосудие», и вероятность расправы (тем более связанной с организацией пыток) существенно снижается. Однако если предоставить террористам свою территорию³⁴, ничто не мешает им в спокойной обстановке заняться украшением улиц истерзанными трупами для демонстрации колеблющимся серьезности своих намерений³⁵.

Вероятность приведения приговора «отступнику» в исполнение: $P_s = P(R|lawstr)$ – функция от стратегии правового государства (т.е. P_s – вероятность наступления санкции).

Для простоты сведем варианты стратегии демократического государства к двум – «прогрессивной» и «консервативной».

«Прогрессивной» назовем стратегию вознаграждения за террор уступками (включая территориальные, моральные – признание равноправия ценностей или даже правоты террористов, оправданности их действий и законности мотивации, наконец, признание лидеров террористов VIP-персонами с дипломатическим иммунитетом и равноправными партнерами по переговорам) и экономической помощью.

«Консервативной» стратегией назовем безоговорочное (при отказе от переговоров или даже запрете таковых) уничтожение террористов и их сторонников и вознаграждение тех граждан остальных стран (обществ), которые в большей или меньшей степени сотрудничают с демократическими государствами.

³³ Здесь уместно напомнить чешскую пословицу: «Никогда не бывает настолько плохо, чтобы не могло стать во много раз хуже». Понятие «во много раз» как раз и отражается коэффициентом $K_{torture}$.

³⁴ Создать для террористов «автономию», пообещать им государство или просто очистить Фаллуджу в Ираке от своих солдат с тем, чтобы через полгода снова ее штурмовать, – примеры последнего десятилетия из практики Израиля и США.

³⁵ См., к примеру, фотографии с сайта <http://gamla.org.il/english/index.htm>.

Если самоубийце не отдан приказ взорваться, то он, наряду с бонусами от своих «братьев-террористов», пользуется благами нормального образа жизни – может зарабатывать, учиться и т.д., т.е. получает дополнительно к $B_2^a + U^0$.

$$U^0 = U(r).$$

Иными словами, полезность нормального заработка и образа жизни тем ниже, чем ближе профиль предпочтений субъекта к «стрекозиному».

Итак, в модифицированной версии модели появляется параметр, фактически верифицируемый на статистике жертв специфических расправ террористов при различных стратегиях государства (в рамках настоящего исследования такой анализ провести не реально, но это может быть темой отдельной работы).

Это параметр $Ps = P(Rlawstr)$, который является полностью «контролируемым». *Иными словами, этот параметр объясняет рациональный смысл или даже необходимость оккупации. Очевидно, что оккупация, воспринимаемая как неограниченно длительная, влияет не только на возможность расправляться над «отступниками». Вообще весь процесс вербовки новых членов, опирающийся на достаточно сложные технологии³⁶, равно как и техническая подготовка терактов, становится сопряженным с очень высокими издержками для лидеров террористов.*

Допустим, что лидер террористов («бродячий бандит») отбирает 100% предоставляемой прогрессивным демократическим лидером помощи. В количественном примере предположим, что демократическое государство предоставляет помощь $A_{rd} = 10$ единиц на душу населения, издержки убийства $A_{cost} = 1$ на 1 убитого. В качестве численного примера для значения антиблага «смерть» возьмем значение (-100).

Цена кооперации с бандитом (лидером террористов) при «прогрессивной» стратегии нулевая, и кооперирующийся может получать благо относительно спокойной работы пожизненно, равной для террориста, которому не приказали взрываться, $U^0 = U(r)$

³⁶ Их описание и анализ запланированы в ходе дальнейших исследований.

А именно: $Eu^c = U_{pv}^0(r)$, (13)
 где U_{pv}^0 – приведенная стоимость доходов от обычной экономической деятельности гражданина в течение жизни (при средней ее продолжительности).

При «консервативной» стратегии кооперация с террористом порождает угрозу наказания (в количественном примере = -50, т.е. примерно равна смерти с вероятностью 50%):

$$Eu^c = (1 - P^d) * U_{pv}^0(r) + P^d V^m, \quad (14)$$

где P^d – вероятность быть убитым солдатом демократического государства³⁷.

Отказаться от убийства нелояльного гражданина для бандита «смерти подобно» – это сигнал слабости и другим бандитам, и населению, чреватый угрозой потери статуса и даже жизни, так как создает стимулы для массового неповиновения и усиления позиций конкурирующих бандитов, «бандитов- challengers». Поэтому в примере его выигрыш от такой стратегии равен выигрышу от смерти (-100).

Отказ от кооперации с бандитом в условиях, когда консервативная стратегия осложняет расправу над «коллораборационистами» – «прислужниками неокOLONIALИСТОВ» может дать гражданину неотрицательный выигрыш.

Итак, выигрыши могут быть записаны в виде следующих выражений:

кооперироваться с бандитом («консервативная» стратегия):

$$Eu^c = (1 - P^d) * U_{pv}^0(r) + P^d V^m$$

уклоняться от кооперации с бандитом:

$$Eu^{not-c} = 1/(1+r) [U^0(r) + P^d * P_s(R_{lawstr}) * K_{torture} * V^m] \quad (15)$$

³⁷ При учете V_{72v} : $Eu^c = (1 - P^d) U_{pv}^0(r) + P^d (V^m + V_{72v})$,

где V_{72v} – ожидаемая полезность 72 «искушенных в любви девственниц» во втором и последующих периодах для шахида. При индивидуальной оценке вероятности реализации такого сценария, близком к 1, и острой нехватке в повседневной жизни обычных девственниц это серьезный стимул к совершению самоубийства, вызванного тем, что монополия на доход бандитов (по Олсону), как и во многих обществах Rule of Force, дополняется в большинстве мусульманских стран их же монополией на привлекательных девушек, ожидание загробного гарема есть весьма серьезный стимул к совершению самоубийства, который никак нельзя игнорировать.

кооперироваться с агентами демократического государства:

$$Eu^c = (1 - P^b * P_s(R_{lawstr})) * U_{pv}^0(r) + P^b * P_s(R_{lawstr}) * K_{torture} * V^n, \quad (16)$$

где P^d, P^b – вероятности наказания (смерти) соответственно от руки солдат демократического государства и от руки бандитов. $P_s(R_{lawstr})$, как и в случае контракта со смертником, передумавшим отправляться в рай, – это обусловленная стратегией демократического правового государства вероятность того, что это государство допустит расправу над лояльным себе контрагентом.

При прогрессивной стратегии $P_s(R_{lawstr}) \approx 1$, соотношение (16) приобретает более простой и менее привлекательный для гражданина, к примеру, Ирака вид:

$$Eu^c = (1 - P^b) * U_{pv}^0(r) + P^b * K_{torture} * V^n. \quad (17)$$

4.2. Примеры

В данном параграфе различным вариантам выигрышей при разных стратегиях приданы исключительно для наглядности количественные значения. Смысл их, следовательно, примерно такой же, как надпись «10 000 рублей» на приватизационном чеке. При этом значение 100 – это, условно говоря, «достаточно много» (благо жизни, правда, жизни в отсталой стране; или соответствующее антиблаго – потеря такой жизни при отрицательном знаке); 10 – заметная величина; 1 – небольшая величина. К примеру, 1 равны издержки на убийство (благодаря чему выигрыш может быть равен 9 – иностранная помощь, которая, разумеется, отбирается бандитами). То есть используется весьма условная шкала, в которой три величины отличаются друг от друга на порядок.

Пример «прогрессивной» стратегии»

		Гражданин отсталой страны	
		Кооперироваться с бандитом	Воздержаться
Бандит (лидер террористов)	Убивать	$A_{id} - A_{cost} = 9; V^n = -100$	$(10 - 1); V^n = -100$
	Не убивать	20; 0	-100; $A_{in} = 10$

В данном примере даже если гражданин имеет основания опасаться быть убитым при лояльном поведении с вероятностью 50%,

единственный рациональный выбор, который у него имеется, – это кооперироваться с лидером террористов, поскольку как ожидаемая полезность (-50) выше, чем (-100). В реальности террорист делает ход после гражданина и поэтому убивать будет далеко не каждого кооперирующегося (и только для поддержания авторитета и предотвращения даже потенциального сопротивления). Гражданин получает помощь 10. Если его убивают, тратя бензин на то, чтобы доехать до его хижины, патрон и премию боевику (1), то бандиту достается выигрыш 9. Если он кооперируется с бандитом, то причитающаяся ему помощь без издержек достается бандиту вместе с небольшим, но заметным выигрышем от лояльности как таковой (равным также 10).

		Гражданин отсталой страны	
		<i>Кооперироваться</i>	<i>Воздержаться</i>
Демократическое государство (лидер)	<i>Помогать</i>	$-A_{ид} = -10; V^n = 100$	$-A_{ид} = -10; 0$
	<i>Воздержаться</i>	$0; V^n = -100$	$0; 0$

В данном примере гражданина, кооперирующегося с демократическим правительством, также убивает бандит (террорист).

Ниже будет рассмотрена игра «демократический лидер – лидер террористов». Однако уже сейчас можно отметить, что если в результате многолетних убийств детей, захватов заложников в самолетах и школах террорист имеет шанс быть приглашенным на мирные переговоры, получить официальный статус и личную неприкосновенность, фактическое признание его власти, права на захваченные активы и многие другие блага, то рациональным выбором лидера-насильника («бродячего бандита») будет лишь одно: заняться международным терроризмом, направленным против богатых правовых государств.

Пример «консервативной» стратегии

При такой стратегии матрица выигрышей существенно меняется. Убить некооперирующегося гражданина террорист может лишь с 50%-й вероятностью. В данном примере гражданин «усугубляет вину перед Родиной сотрудничеством с оккупантами». Поскольку

убить его дважды террорист не может, приняв стратегию отказа от кооперации с террористом, гражданину имеет смысл постараться получить выигрыш от кооперации с демократическим государством, которое предоставляет своим клиентам вознаграждение 10.

		Гражданин отсталой страны	
		Кооперироваться	Воздержаться
Террорист	Убивать	0; $Eu^c = -50$	10; $Eu^{nc} = -40$
	Не убивать	-100; $Eu^c = -50$	0; $Eu^{nc} = 10$

При существенном снижении вероятности расправы со стороны террориста можно сделать стратегию отказа от кооперации с террористом доминирующей для гражданина.

Стимулы демократического лидера

		Лидер террористов («бродячий бандит»)	
		Подписать договор о мире и атаковать граждан демократического государства	Подписать и выполнять договор
Демократический лидер	«Прогрессивная» стратегия	Голоса либералов + колеблющихся (до атаки); $R + A_{ид}$	Голоса либералов + колеблющихся; $A_{ид}$
	«Консервативная» стратегия	Голоса консерваторов + колеблющихся (после атаки); $V^n = -100$	Голоса консерваторов + колеблющихся; 0

Примечание. R – благо, связанное с репутацией сильного лидера – победителя (у мертвого такой репутации нет).

Демократический лидер максимизирует голоса избирателей. Здесь мы не учитываем влияния прессы через смещенную оценку (постоянное смещение и неожиданные смещения) в пользу террористов и исходим из примерно равномерного распределения из-

бирателей на фракции «консерваторов», «либералов»³⁸ и «колеблющихся».

При неопределенной («неоконсервативной»³⁹) стратегии, как показывает испанский пример 2004 г. с откатом колеблющихся к «либералам» после теракта, данная игровая модель не работает. «Консервативная» модель не только не могла проявить свою эффективность, но даже не была предложена условно правым испанским премьером в повестку дня. Испанские правые невнятно предлагали усилить борьбу против баскских сепаратистов (случай, очевидно, промежуточный между боевиками и террористами первого типа, причем, пожалуй, даже ближе к боевикам). Избиратель решил попробовать четкую альтернативную модель.

Принятие политической элитой «политически корректной» системы ценностей несовместимо с выбором «консервативной» стратегии. Такая шкала (см. раздел 3.5) равносильна назначению в игровой матрице для демократического лидера большого отрица-

³⁸ Связь «либерализма» и терпимости к терроризму, склонности к сочувствию мотивам и т.п., столь характерных для ряда политиков, и определенной стратегии заслуживает пояснения. Здесь «либералы» – термин, заимствованный из американского политического лексикона. Иными словами, «либерал» – это левый. Почему левый? Разве консерватор Ж. Ширак не поддерживает террористов, а социал-демократ Г. Шмидт не боролся с ними, применяя «консервативную» стратегию? Однако представляется, что приведенные исключения лишь подтверждают общее правило. Того же Шмидта товарищи по партии резко критиковали за его политику и экономическую и особенно направленную против террористов из «фракции красной армии» и не свергли его лишь из опасений электоральной катастрофы (Денхофф, 2001, с. 155–172). Вообще вполне логично, что партии и политики, старающиеся сохранить капиталистическую экономику и индивидуальные права, более склонны к решительным мерам против тех, кто хочет разрушить эти институты. Напротив, левые, критикующие эти институты, не согласны со «своими» террористами лишь по форме и зачастую лишь на словах (чтобы не оттолкнуть колеблющегося избирателя). То же относится к тем условно «правоконсервативным» политикам, идеал или «объект консервации» для которых – доправовое общество (которое мы называем Rule of Force) и государственно-регулируемая экономика меркантилистского, к примеру, типа. Характерный пример из США – Пэт Бьюкенен, позиционирующий себя как крайний консерватор и поддерживающий террористов из ООП. В Европе примеров такого рода намного больше – Национальный фронт во Франции, Хайдер и его партии в Австрии и т.п.

³⁹ Фактически представляет собой смешанную стратегию. Когда лидер иногда использует элементы «консервативной» стратегии, а иногда – как правило, под влиянием прессы – элементы «прогрессивной» стратегии.

тельного выигрыша при любой его попытке наказать террориста (т.е. делает почти невозможным назначение отрицательных выигрышей террористу). В то же время спрос избирателей в поддержку такой стратегии может быть мобилизован с минимальными издержками. Склонность избирателей поддерживать силовые акции в ответ на терроризм, направленный против гражданского населения, очевидна. Она вытекает из принятия допущения о рациональности избирателей и верифицируется, в частности, протестным голосованием за «антииммигрантские» партии в Западной Европе в ситуациях, когда ведущие «правые» и левые партии сходятся в выборе оппортунистической в отношении враждебных обществу групп стратегии.

В виде дерева игра – «борьба за гражданина отсталой страны между «бродячим бандитом» – террористом и лидером демократической страны» представлена на рис. 6.

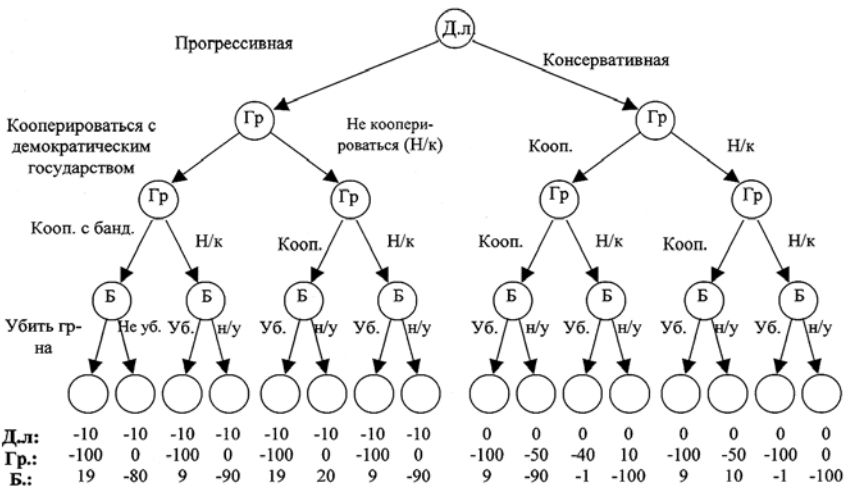

Рис. 6. Дерево игры «борьба за гражданина (Гр.) отсталой страны между «бродячим бандитом» – террористом (Б.) и лидером демократической страны (Д.л.)»

Стимулы рационального генерала, или Откуда берутся генералы – борцы за мир

В последнее десятилетие мир стал свидетелем нового явления – принимающего массовый характер перехода генералов в стан борцов за мир, патентованных левых либералов и т.п.

Попробуем объяснить такой феномен, особенно ярко проявляющийся в Израиле и Европе⁴⁰, используя подход теории общественного выбора, предполагающей рациональность генерала и преследование им карьерных целей (получение в управление большего числа подчиненных и иных ресурсов).

Предположим, существует соотношение (постоянное в краткосрочном периоде) потерь солдат армии правового государства и потерь террористов (или солдат армии государства, поддерживающего терроризм) K_{cas} ⁴¹. Также отметим для себя, что в каждом конфликте существует некоторое соотношение потерь среди комбатантов и среди гражданского населения (K_{civios}). Предположим, что последнее также является константой в краткосрочном же периоде.

Тогда генерал при планировании боевых действий и степени их решительности (оборона – наступление) исходит из предельно допустимого уровня потерь своих солдат как бюджетного ограничения и оптимизирует соотношение числа выживших собственных солдат к вражеским потерям.

Предположим, что генерал учитывает также число негативных отзывов о нем политиков и журналистов. Если $R_{efneg} = R(K_{cas})$, то этот дополнительный фактор может и не оказать значимого влияния на выбор генерала, так как тоже определяется все тем же коэффициентом потерь.

Именно так и происходит при выборе «консервативной» стратегии.

⁴⁰ США, впрочем, не исключение. Достаточно привести примеры Колина Пауэлла в бытность госсекретарем, а также бывшего командующего войсками НАТО генерала Уэсли Кларк (Wesley Clark). Последний боролся за выдвижение своей кандидатуры от Демократической партии на президентских выборах 2004 г.

⁴¹ Тогда «талантливый генерал» определяется как генерал, способный увеличить коэффициент даже в краткосрочном периоде, а «бездарный» – уменьшить.

Однако при выборе «прогрессивной» стратегии генерал обязан учитывать дополнительные параметры. Прежде всего, смертность среди населения, контролируемого террористами (диктатором) или поддерживающего террористов (диктатора). А как мы показали выше, это примерно одно и то же. По крайней мере, при отсутствии долговременной и выглядящей бессрочной оккупации страной-победительницей с правовым режимом государственной власти.

Тогда зависимость R_{efneg} от коэффициента потерь остается, но она меняет знак. Чем успешнее боевые действия, тем больше негативных откликов в прессе и среди политиков. В том числе политиков, влияющих на карьеру генерала. И это не говоря уже о возможности судебного преследования за непропорциональное применение силы.

В такой ситуации генерал стоит перед выбором: либо решать сложную задачу многокритериальной оптимизации, либо забыть про потери террористов и минимизировать потери своих солдат любой ценой, заодно минимизируя потери врага и, следовательно, поддерживающего врага (контролируемого врагом) населения, уменьшая число негативных отзывов о своей деятельности. Если же прогрессивным политикам и прессе удастся убедить большинство избирателей в том, что убийство возможно большего числа врагов (террористов) вовсе не является таким уж большим благом, генерал рационально забывает о таком параметре, принимая решения. Примеров такого поведения, спасшего жизни десяткам террористов за счет жизней своих солдат и гражданского населения десятки в Израиле (см., к примеру, сообщения об отказе уничтожить банду террористов 20 мая 2005 г. – радио «Седьмой канал», Израиль www.israelnationalnews.com, там же сообщения об отказе применить тяжелое вооружение в операции в Дженине (2002 г.), выступление генерала Б. Ганца – сообщение от 11 января 2005 г. и многое другое), а также в операциях США в Ираке. В Ираке интенсивность переговоров американских генералов с бандитами, называемыми финансируемой за счет налогоплательщиков радиостанцией «Свобод» не террористами и бандитами, но повстанцами, не уступает интенсивности боев с ними же. Зато много уступает интенсивности террора так называемых повстанцев.

Правда, талантливый и склонный к риску генерал может пойти на решительные действия, резко увеличить коэффициент (число убитых врагов на 1 потерянного своего солдата) и после одержанной победы уйти в политику, ориентируясь на консервативный электорат (пример А. Шарона в 1973 г.).

Из военной истории очевидно, что само понятие «военная победа» почти синонимично понятию эффективного непропорционального применения силы⁴². Например, на решающем участке, против ключевого вражеского объекта в нужное время. Очевидно, что любые преимущества в стратегии, тактике, технологии и т.п. дают огромные преимущества одной из сторон, которая может теперь быть обвинена в непропорциональном применении силы (вертолет против пулемета и т.п.).

Террорист, будучи рациональным, хорошо информированным благодаря современным СМИ и прозрачности правовых государств лицом, легко использует новые возможности. Теперь даже в очевидной ситуации, в которой раньше его неминуемо постигала бы смерть, у него есть возможность бросить автомат на землю и воспользоваться бесконечно расширительными толкованиями гуманитарного права, над которым он сам смеется. Или даже, не бросая автомата, он теперь может обвинить противника в военных преступлениях, если противник применил против него танк. Наиболее вероятный исход для такого бандита в случае военного поражения – комфортабельный плен с постоянно растущим статусом вплоть до политзаключенного, узника совести, почетного профессора и, наконец, освобождение, вооружение, предоставление статуса VIP и новые уникальные возможности для ведения террористической деятельности.

Как видно из представленных для иллюстрации рассуждений матриц выигрышей в игре «генерал против лидера террористов», в зависимости от выбора избирателей рациональная стратегия генерала, ориентированного на успешную карьеру, может обусловить выбор стратегии борьбы за мир даже ценой жизни самих избирателей.

⁴² См., в частности, (Клаузевиц, с. 216, 228). В частности, его сентенцию: «Лучшая стратегия состоит в том, чтобы всегда быть как можно более сильным». Иными словами – применять силу непропорционально.

Выбрана «прогрессивная стратегия»

		Лидер террористов (roving bandit)	
		Атаковать	Сидеть тихо
Генерал в государстве Rule of Law	<i>Бороться с терро- ром</i>	Поддержка консервативных избирателей минус преследование по суду минус шельмование в прессе и давление «прогрессивных» политиков / Репутация сильного вождя, «крутого бандита»	То же (консерваторы – «за», суд, пресса, политики – «против») без репутации сильного человека / Вероятность выживания
	<i>Бороться за «мир»</i>	Поддержка либералов, прессы / Репутация сильного вождя и гарантии выживания	Поддержка либералов, прессы / Гарантия выживания

Выбрана «консервативная» стратегия

		Лидер террористов (roving bandit)	
		Атаковать	Сидеть тихо
Генерал в государстве Rule of Law	<i>Бороться с террором</i>	Поддержка консервативных избирателей и политиков / Смерть + вероятность получения репутации сильного вождя	Поддержка консервативных избирателей и политиков / Арест
	<i>Бороться за «мир»</i>	Поддержка либералов, прессы / Репутация сильного вождя и вероятность выживания ⁴³	Поддержка либералов, прессы / Гарантированное выживание

Приведенные примеры игровых стратегий не открывают чего-то принципиально нового⁴⁴. Они лишь иллюстрируют совпадение вы-

⁴³ Все выигрыши действительны в случае, если генерал не оказывается смещенным со своего поста. Таким образом, для повышения реалистичности модели выигрыши генерала следовало бы домножить на вероятности отстранения его от должности, зависящей от выбора стратегии, сделанного избирателями и политиками, и соответствия ее выбору самого генерала.

⁴⁴ «Терроризм коренится в самом характере диктаторских режимов и тех организаций, которые его практикуют. Склонность к насилию, в том числе к террору, – не случайная черта диктатур, это их квинтэссенция. Пока они сохраняют свой дикта-

водов здравого смысла, опыта практики борьбы с терроризмом и экономической теории в данной ситуации.

Целесообразно использовать прецедент, созданный бельгийским парламентом. Последний неудачно пытался наделить своих судей правом судить за преступления, совершенные в любой точке земного шара (по причине отсутствия у Бельгии ресурсов для осуществления решений). Парламенты стран, несущих на себе основное бремя борьбы с терроризмом, имеют моральное право ввести нормы, регулирующие боевые действия за рубежом, – к примеру, касающиеся установления четкого приоритета защиты жизней граждан своих стран⁴⁵.

Представляется также оправданным и целесообразным принять меры по предотвращению угрозы политически мотивированных исков к военнослужащим или политическим руководителям вооруженных сил демократических стран в «непропорциональном применении силы». Отказ США признать юрисдикцию Международного трибунала по военным преступлениям в этой связи представляется обоснованным.

Для сохранения основы правовых ценностей цивилизованных стран нормы, регламентирующие борьбу с террором, должны, конечно, предусматривать суровые наказания за пытки⁴⁶. Достаточно

торский характер, сохраняется и их склонность к террору. Если эту тенденцию не обуздывать и не подавлять, она будет проявляться вновь и вновь.

Природная склонность к терроризму остается неизменной и у стран, практикующих террор, и у их спонсоров, поэтому необходимо постоянно напоминать им, что они жестоко попятятся, если продолжат применять его против других государств» (Нетаньяху Б., 2002, с. 115–116).

⁴⁵ При этом, по политическим соображениям, упомянутая «шкала» времен Второй мировой могла бы быть упрощена за счет приравнивания ценности жизни союзников и кооперирующихся жителей враждебных территорий к ценности жизни своего гражданина-налогоплательщика.

⁴⁶ Но вовсе не потому, что местное население к ним непривычно. Во всех арабских странах, требовавших извинений от США за инциденты в «Абу-Грайб», куда более суровые пытки являются вполне обычным делом – см. сайт Human Rights Watch <http://hrw.org/doc/?t=asia>. Проблема в том, что палач рано или поздно вернется из «Абу-Грайб» домой. Потому вполне реально убедить законодателя и избирателя в недопустимости пыток даже иностранцев за рубежом. В данной работе мы не рассматриваем проблемы «экстремальной юстиции», в том числе проблему допустимости узаконенных методов силового давления на подозреваемого в ситуации «тикающей бомбы».

большая вероятность предъявления обвинения в «непропорциональном применении силы» снижает для командования вооруженными силами демократических стран (включая главнокомандующих – политических лидеров) стимул выбирать стратегию решительной борьбы с террором (подробнее о такой ситуации и о стимулах, возникающих у командования, сталкивающегося с требованиями приоритета защиты прав враждебного населения, см. ниже, в следующей главе).

Необходимо подчеркнуть, что для населения стран Rule of Force открытое «снижение приоритета жизни» при проведении контртеррористических операций не принесет реального ухудшения положения даже в краткосрочном периоде. В этих странах жизнь «человека без ружья» в любой ситуации не считается большой ценностью. Однако если у вооруженных сил и спецслужб правовых государств в рамках минимально необходимых правовых ограничений появится достаточная свобода действий для разгрома террористов, выиграет прежде всего от этого разгрома как раз население остальных стран.

Однако, если все столь очевидно с точки зрения долгосрочных интересов демократического государства, почему же выбор избирателями и политиками «прогрессивной» стратегии вообще возможен спустя более 6 с половиной десятилетий после Мюнхена и годы спустя после 11 сентября 2001 г.? Перечислим некоторые возможные варианты ответа.

1. Существует возможность краткосрочного выигрыша для политика (повышение рейтинга) благодаря достижению быстрых результатов, как правило, за счет иностранцев (Чехословакия в Мюнхене). При этом негативные результаты такой политики сказываются не всегда столь быстро и столь значимо. Даже тогда, когда выигрыш каждого избирателя меняется в результате такой политики, его выбором на следующем после изменения выигрышей ходу далеко не всегда будет требование от правительства решительных действий, поскольку такие действия означают «пот, слезы и кровь» – налоги, ухудшение условий жизни, призыв на военную службу и иные издержки.

2. Личные предпочтения лидера демократического государства, такие, как индивидуальный коэффициент дисконтирования⁴⁷, даже в условиях существования сильной оппозиции и независимой прессы далеко не всегда могут быть выявлены своевременно, что позволяет недобросовестному политику некоторое время пользоваться поддержкой добросовестного избирателя, нарушая условие теоремы Эрроу о совпадении общественного выбора с выбором индивидуальных избирателей⁴⁸. Рациональное неведение (Rational ignorance) избирателя усиливает этот эффект даже в случаях, если информация выявляется и доступна для исследователя или для политизированного гражданина.

3. На эффективность выбора с точки зрения максимизации электоральной поддержки политика на предстоящих выборах определенную роль может влиять освещение в прессе. Точнее, его смещение, особенно резкое и непредсказуемое, смена позиции определенных СМИ и т.п. (см. главу 6). Именно такое смещение может оказать воздействие на рационального избирателя, т.е. склонного экономить на информации и поэтому рационально несведущего в краткосрочном периоде и близкого к «полной информированности» в долгосрочном (поэтому консервативный избиратель почти не подвержен влиянию «Нью-Йорк таймс» или «Вашингтон пост»; он, вероятно, всерьез задумается при резком изменении позиции «Вашингтон таймс», телеканала «Фокс» или консервативных радиоканалов). Однако сам политик подвержен давлению даже тех СМИ, которые его избиратели игнорируют в ситуации, когда «никаких других газет нет», и он не может доносить информацию о себе до избирателя, минуя враждебные СМИ. Такая си-

⁴⁷ К примеру, при высоком значении коэффициента удаленные во времени ценности для политика не слишком привлекательны, и он предпочитает стремиться к достижению сиюминутных результатов даже ценой ущерба долгосрочным общественным интересам.

⁴⁸ Так, Э. Хит пришел к власти под лозунгом «консервативной революции», но, заняв офис, быстро совершил «U-Turn» – поворот на 180 градусов, оставив проведение реформы своей преемнице М. Тэтчер. А. Шарон победил в 2001 г. под свежим впечатлением визита на Храмовую гору, демонстрируя приверженность идеям сохранения целостности еврейских земель, однако на деле поддерживает создание Палестинского государства.

туация возможна, в частности, при формировании «политкорректного картеля».

4. Существует опасность судебного преследования, особенно если судебная власть, независимая в правовом государстве, оказалась под влиянием идей «политической корректности», а общество не проявляет явного отторжения таких идей. Также существует вероятность преследования лидера демократической страны после выхода его в отставку террористами и их союзниками с помощью международных судебных институтов. Лидеру могут быть предъявлены, к примеру, обвинения в «чрезмерном использовании силы» или просто в неучете интересов населения, поддерживающего террористов.

Очевидно, что если индивидуальный коэффициент дисконтирования лидера близок к 1 (или его $r \approx 0$), а среди электората преобладают «ястребы», консерваторы» (консервативные ценности глубоко укоренены), вероятность «консервативного» выбора повышается. И наоборот, если лидер ценит только сегодняшний день (коэффициент дисконтирования лидера $\gg 1$ (или $r \gg 0$)), а среди избирателей преобладают «голуби» – «левые либералы», растут шансы на выбор «прогрессивной» стратегии.

Глава 5. Конкуренция при взятии ответственности за убийства как индикатор рациональности мотивации террористов

17 июня 2003 г. израильские новостные агентства распространили информацию об убийстве арабскими террористами Ноам Лейбович – девочки 7 лет. Сразу же после этого две банды – Народный фронт освобождения Палестины и одна из банд, входящих в ФАТХ, взяли на себя ответственность за это убийство, стандартно интерпретируемое СМИ Арабской автономии как «славная победа арабского оружия». Несмотря на внешнюю абсурдность такого поведения, его мотивы представляются вполне целерациональными. Основная гипотеза: такое поведение отражает конкуренцию на этапе отчета перед заказчиком («инвестором») за надлежащее (эффективное) расходование средств.

Изначально для анализа была предложена гипотеза о том, что подобные споры учащаются в периоды, когда банды испытывают трудности и им становится сложнее рапортовать об очередных успехах. Провалы в отчетности чреваты для террористов потерей финансирования. Поэтому такая угроза должна их стимулировать к представлению эффектных отчетов даже при отсутствии реальных результатов. Для чего им иногда приходится оспаривать «честь» подобных преступлений (которые они, впрочем, при моральной поддержке политически корректных СМИ и своей среды таковыми вовсе не считают).

Для проверки гипотезы «в первом приближении» была составлена таблица случаев конкурирующих заявлений со взятием ответственности за убийства, представляющая данные по эффективности террористической деятельности за месяц до убийства по каждой из двух организаций, а также аналогичные данные за второй месяц, предшествовавший оспариваемому убийству (табл. 10). Такие данные помогают уяснить, «на подъеме» или «на спаде» находится активность той или иной организации, и позволяют проверить сформулированную выше гипотезу, объясняющую такое поведение.

Отдельно представлены таблицы, в которых общее количество террористических актов сведено по периодам со случаями «двой-

ной ответственности» (включая совместно проведенные теракты, каковая практика также зачастую свидетельствует о кризисе террористических организаций). Отдельно выделен период антитеррористической операции 2001 г. В последующие годы, в течение которых давление на террористов нарастало, выделить четко периоды таких операций Армии обороны Израиля становится сложнее. Однако рост со временем доли терактов с «двойной ответственностью» после 2001 г. очевиден, и, вероятно, он связан с нарастающими проблемами террористов, несколько более энергично преследуемых властями Израиля под впечатлением поражения «миролюбивого» премьера Э. Барака на выборах.

Таблица 10

Конкурирующие заявления об ответственности – первая попытка анализа

Дата	Организации, взявшие на себя ответственность (конкурентную, а не совместную)	Счет убийств 1-й из организаций за месяц, предшествующий данному убийству (t-1)	Счет убийств 1-й из организаций за второй месяц до убийства (t-2)	Счет убийств 2-й из организаций за месяц, предшествующий данному убийству (t-1)	Счет убийств 2-й из организаций за второй месяц до убийства (t-2)
1991.10	НФОП & ИДж	0	0	0	0
1993.04	Хамас & ИДж	–	–	0	0
1993.10	НФОП & ИДж	–	–	1	0
2001.01	ФАТХ & «Хамас»	–	–	0	0
2001.05	ИДж & «Хамас»	2	0	0	23
2002.05	«Хамас» & НФОП	12	32	0	0
2002.06	НФОП & ФАТХ	0	0	11	29
2003.02	НФОП & ФАТХ	0	0	26	0
2003.03	«Хамас» & НФОП	4	4	4	0
2003.04	НФОП & ФАТХ	–	4	1	0
2003.06	НФОП & ФАТХ	0	2	7	4
2003.09	ФАТХ & ИДж	2	1	0	1

Источник: ICT terror Data Base and Arutz Sheva Radio Station web-site – архив новостей. ФАТХ здесь – все возглавляемые Я. Арафатом напрямую банды («Группа 17», «Танзим», «Мученики Аль-Акса»). НФОП – Народный фронт освобождения Палестины, ИДж – палестинский «Исламский джихад».

Данные, представленные в табл. 10⁴⁹, показывают, что в течение двухмесячного периода перед рассматриваемым убийством по меньшей мере одна банда в один из месяцев испытывала проблемы и не могла представить заказчикам, «инвесторам» впечатляющего отчета о «проделанной работе» (под таковым мы условно понимали отчет о минимум двух убийствах за месяц). Таким образом, первый и грубый анализ не дает оснований отвергать гипотезу о том, что такая «конкуренция» вызывается проблемами террористов, а именно их неспособностью отчитаться за использование средств надлежащим образом.

Данные, представленные группой «Маоф» (на основе данных МИД Израиля и мониторинга прессы) (табл. 11) включают случаи как конкуренции за ответственность, так и совместно проведенных террористических актов.

Таблица 11

**Результаты мониторинга прессы по случаям «конкуренции»
за ответственность**

2002

	Всего терак- тов	С «двойной ответ- ственностью»	%
Всего	123	5	4

**2002 г., апрель – июнь – операция Армии обороны Израиля
«Защитная стена»**

	Всего терак- тов	С «двойной ответ- ственностью»	%
Всего	27	3	11

2001

	Всего терак- тов	С «двойной ответ- ственностью»	%
Всего	99	3	3

2004

	Всего терак- тов	С «двойной ответ- ственностью»	%
Всего	2	1	50

2003

⁴⁹ Эти данные являются предварительными и могут уточняться.

	Всего терактов	С «двойной ответственностью»	%
Всего	57	15	26
ФАТХ – бригады «Мучеников Аль-Акса»	19	7	37
ФАТХ – бригады «Дженинских мучеников»	1	0	0
ФАТХ – «Танзим»	2	2	100
ФАТХ	1	1	100
«Исламский джихад»	13	8	62
НФОП	7	5	71
НФОП – ГК (главное командование)	2	2	100
«Хизбалла»	1	0	0
«Хамас»	20	5	25

2003

Атаки бомбистов-самоубийц

	Всего терактов	С «двойной ответственностью»	%
Всего	16	6	38
ФАТХ – бригады «Мучеников Аль-Акса»	3	3	100
ФАТХ – «Танзим»	1	1	100
НФОП	2	1	50
«Исламский джихад»	7	4	57
«Хамас»	9	3	33

Источник: МИД Израиля, мониторинг прессы за соответствующие периоды и даты (аналитическая группа «Маоф», Израиль).

Данные *табл. 11* показывают, как по мере интенсификации антитеррористических действий Армии обороны и спецслужб Израиля растет доля совместных или оспариваемых бандитами друг у друга убийств. Что также отражает растущие проблемы с отчетностью лидеров банд перед заказчиками и «инвесторами».

Глава 6. Некоторые закономерности освещения террора в Израиле

6.1. Сравнительный анализ эффективности использования «политкорректного» и «консервативного» подходов для борьбы с террором

С точки зрения «политкорректного» подхода террор используется людьми, отчаявшимися привлечь внимание к своим проблемам иным способом. Поэтому если предоставить террористам трибуну для высказывания своих взглядов и надежду, что их проблемы будут решены, необходимость в терроре исчезнет. Проявляться такой подход может представлением террористическим организациям возможностей для высказывания своей позиции.

С точки зрения «консервативного» подхода к освещению борьбы с террором повышенное внимание к организациям, совершившим теракт, провоцирует их на эскалацию действий. При том, что единственным способом ослабления террористов признается прекращающееся силовое давление на них.

Проявлением такого подхода к освещению событий является подробное освещение не только теракта, но и реакции на него, ответных действий на теракт. Таким образом, пресса информирует гражданина о том, что его деньги расходуются с тем, чтобы наказать террористов и повысить риски и издержки последних.

Основная гипотеза

Существует связь между настроением прессы и общества и, следовательно, выбором стратегии борьбы с террором.

Данные

Израильские газеты «Едиот ахронот» и «Хаарец».

Основные переменные

1. Количество статей, где предоставляется трибуна террористам (сообщаются сведения об организации, включая занимаемую той позицию, и приводятся высказывания террористов), как процент от всех статей, посвященных теракту.

2. Количество статей, где сообщается об антитеррористических операциях возмездия, как процент от всех статей, посвященных теракту.

«Политкорректный» подход характеризуется преобладанием показателя 1, а «консервативный» – преобладанием показателя 2.

3. Количество гражданских жертв терактов – приводится по данным Института национального страхования.

Вспомогательные переменные

1. Количество статей, концентрирующихся на эмоциональной оценке теракта (описание страданий жертв, их близких и т.д.). Увеличение показателя говорит об ослаблении позиций «консервативного» подхода в прессе (см. Приложение 1).
2. Использование терминов, характеризующих один из подходов как общепринятый термин (см. Приложение 2).

Основные этапы

Все данные можно разделить на три периода: до 1989 г., 1989 – 2000 гг. и после 2000 г. Обращает внимание отсутствие прямой зависимости между началом и концом периодов и сменой власти в Израиле. Это подтверждает базовое допущение – изменения в настрое прессы связаны с глубокими процессами внутри общества и не находятся под влиянием сиюминутной политической конъюнктуры.

До 1989 г.

Характеризуется явным господством «консервативного» подхода. Более глубокий анализ позволяет выделить два подпериода: до 1982 г. включительно и период 1983–1988 гг.

До 1982 г.

Характеризуется явным господством «консервативного» подхода. Количество статей об антитеррористических операциях не только практически всегда превышает процент статей, где даются сведения о террористах, но и характеризуется высоким абсолютным значением. Исключения составляют лишь 1972 и 1976 гг. Причина – теракты 1972 г.: это расстрел пассажиров в аэропорту Бен-

Гуриона террористом из японской «Красной армии» и убийство спортсменов в Мюнхене. Оба случая не давали возможности Израилю провести мгновенные операции возмездия⁵⁰. Аналогичную картину представляет 1976 г.: теракт произошел в Стамбуле.

Преобладание «консервативного» подхода полностью наблюдается до начала 80-х годов и совпадает с позицией практически всех израильских правительств того периода. Отношение Израиля к проблеме террора определялось принципом: «никакого контакта с террористами, никакого признания террористов, никаких уступок террористам – только уничтожение».

Период заканчивается 3 августа 1982 г. В этот день произошло покушение на израильского посла в Великобритании Шломо Аргова. Теракт стал последним в череде убийств, осуществленных ООП, и повлек за собой антитеррористическую операцию «Мир Галилее», направленную на уничтожение инфраструктуры этой организации в Ливане.

1983–1988 гг.

Основные показатели по-прежнему говорят о преобладании «консервативного» подхода. Соотношение показателей 1 и 2 сохранилось, несколько упало абсолютное значение обоих показателей – из-за уменьшения количества терактов и их размаха.

Однако вспомогательные переменные указывают на изменения, произошедшие в этот период. Особенно характерен резкий рост процента эмоционально окрашенных статей – с 22% в предыдущем периоде до 32%. Из этого можно заключить, что в прессе начались процессы перехода к «политкорректному» подходу, но процессы эти не стали достоянием всего общества и не нашли отражения в официальной политике.

Это заключение полностью соответствует логике процессов, имевших место в Израиле в описываемый период. Операция «Мир Галилее», начавшаяся в 1982 г., стала первой войной, которую вело правительство, возглавляемое правыми партиями. При этом в отличие от войн 1967 г. или 1973 г. она не была навязана Израилю соседями, а явилась результатом осознанного выбора, и соответ-

⁵⁰ Впоследствии Израиль предпринял операцию возмездия – в течение нескольких лет Моссад уничтожил большинство организаторов убийства спортсменов.

ственно вокруг ее необходимости не существовало такого консенсуса, как вокруг остальных войн. Левые круги воспользовались этим для антиправительственной пропаганды. Она концентрировалась на бессмысленности именно операции «Мир Галилее» как средства борьбы с террором. Однако логическим продолжением пропаганды являлась мысль, что насилие в принципе не является подходящей мерой. Тем не менее «консервативный» подход слишком глубоко укоренился в сознании населения, поэтому изменения в прессе не стали явными до 1989 г.

1989–2000 гг.

Период «политкорректного» подхода. Его также можно разделить на два этапа – до середины 1992 г. и после 1992 г.

До середины 1992 г.

Начиная с 1989 г. количество статей, предоставленных террористическим организациям для высказывания теми своих позиций, постоянно превышает количество сообщений об антитеррористических операциях. Одновременно изменяется и общий тон прессы. Появляются негативные статьи о евреях – жителях Иудеи, Самарии и Газы – частичное принятие позиции ООП о «незаконной оккупации» этих территорий. В 1991 г. впервые употребляется термин «мирный процесс». Тем не менее количество сообщений об операциях возмездия все еще больше 0, а в 1992 г., единственный раз за весь период, даже превышает количество статей, отданных представителям террористических организаций.

В этот период официально контакты с ООП еще были запрещены, но многие политики уже открыто встречались с деятелями, ассоциируемыми с этой организацией. Израильское правительство продолжало практику операций возмездия, однако в весьма ограниченных масштабах, ибо она перестала являться политикой консенсуса. Крупная операция была проведена лишь однажды – в 1992 г. был уничтожен глава «Хизбаллы». Этот шаг частично можно расценить как предвыборную пропаганду и желание подтвердить избирателям верность «консервативному» подходу.

После 1992 г.

Полное господство «политкорректного» подхода. Статьи об антитеррористических операциях практически полностью исчезают, но очень большой процент статей отводится представлению позиций террористических организаций.

К этому периоду относится подписание договоренностей в Осло, являющихся воплощением «политкорректного» подхода. Правительству левой партии «Авода», находившиеся у власти большую часть времени, практически полностью затормозили деятельность, направленную на борьбу с терроризмом вооруженными методами.

2000 г. – по настоящее время

С 2000 г. снова возвращается характерное для периода 1 соотношение между показателями 1 и 2. Количество антитеррористических операций резко возрастает, и, наоборот, террористам предоставляют гораздо меньше площади для высказывания своей позиции. С 2001 г. в прессе появился термин «уничтожение».

Как и в прошлый раз, переход от одного подхода к другому произошёл под влиянием военных действий. В данном случае – из-за войны, начатой ООП, после срыва переговоров в Кэмп-Дэвиде. Взрыв насилия, завершивший долгий период переговоров, стал для многих израильтян знаком неэффективности «политкорректного» подхода.

Тем не менее необходимо отметить, что вспомогательные переменные не столь однозначны. Так, термин «уничтожение» практически исчез в 2003 г., а процент эмоционально окрашенных статей не уменьшился. Таким образом, можно определить нынешний период как переходный на пути возвращения к «консервативному» подходу – своего рода зеркальное отражение периода 1983 – 1988 гг.

Объяснение результатов и выводы

Таблица 12

Динамика основных переменных

Год	Доля статей, освещающих теракты и их последствия, в которых отражается (излагается) позиция террористов, %	Доля статей, освещающих теракты и их последствия, описывающих армейские операции возмездия террористам, %
1968	10	45
1969	5	45
1970	9	12
1971	4	35
1972	13	7
1974	11	16
1975	15	12
1976	14	16
1978	2	7
1979	7	30
1980	5	16
1982	0	81
1983	13	5
1984	4	6
1985	17	22
1986	0	7
1987	0	33
1988	8	25
1989	18	9
1990	6	5
1991	12	3
1992	13	18
1993	30	0
1994	13	1
1995	13	4
1996	11	2
1997	10	0
1998	18	0
1999	18	6
2000	18	8
2001	8	18
2002	7	18
2003	8	18

Можно отметить, что динамика изменения количества жертв легко разделяется на 4 этапа: до конца 1982 г.; 1983–1988 гг.; 1989–2002 гг.; 2003 г. Нетрудно также заметить корреляцию между этими периодами и эволюцией подходов к решению проблемы террора.

1-й этап – до конца 1982 г. Приходится на период доминирования «консервативного» подхода, явная динамика уменьшения количества жертв.

2-й этап – 1983–1988 гг. Приходится на период начала вытеснения «консервативного» подхода «политкорректным», существуют колебания в количестве жертв, общая динамика – в сторону увеличения, однако абсолютные значения невелики.

3-й этап – 1989–2002 гг. Приходится на период господства «политкорректного» подхода. Характеризуется резким ростом числа жертв. Исключение – период 1996–1999 гг., когда у власти находился Б. Нетаньяху, обладающий имиджем политика, исповедующего «консервативный» подход.

4-й этап – 2003 г. – начало кампании за «размежевание». Является периодом отхода от «политкорректного» подхода в направлении «консервативного» и, судя по данным 2003 г. и первых месяцев 2004 г., характеризуется снижением числа жертв.

Вывод. На основании изменения динамики количества жертв в соответствии с эволюцией взглядов прессы, общества и правительства на проблему террора можно прийти к однозначному выводу: «консервативный» подход, т.е. применение жестких силовых акций против террористических организаций, является в долгосрочной перспективе эффективным средством борьбы с террором.

Таблица 13

Воздействие эмоционально окрашенных статей

Годы	Процент эмоционально окрашенных статей
1972–1982	22
1983–1989	32
1989–1999	32
2000	37

Использование журналистами терминов

Существуют устойчивые словосочетания-термины, отражающие взгляды определенной категории людей. Зачастую позиция автора передается благодаря использованию определенной терминологии, даже если напрямую его отношение к той или иной политике не высказывается. Таким образом, читатель «напутствуется» во вполне определенном направлении.

Термины, анализируемые в публикациях

Мирный процесс – употребляется в отношении переговоров с ООП. Подразумевает, что обе стороны хотят прийти к миру как к логичному завершению процесса. Другое мнение: ООП видит в переговорах еще один способ ослабить Израиль, воплощая, таким образом, свой план поэтапного уничтожения еврейского государства. Термин характерен для «политкорректного» подхода.

Уничтожение – употребляется в отношении лишения террориста жизни. Подразумевает, что речь идет не об убийстве, а об устранении опасности, угрожающей людям. Другое мнение: террорист тоже человек. Термин характерен для «консервативного» подхода.

6.2. Комментарий психолога

Основной задачей террористов в Израиле является не только и не столько убийство максимального числа евреев, сколько создание в израильском обществе атмосферы паники, ужаса и незащищенности – словом, атмосферы всеобщей деморализации.

В связи с вышесказанным террористы чрезвычайно заинтересованы не только в том, чтобы средства массовой информации сообщали о каждом акте террора, что держит их постоянно в центре всеобщего внимания (что называется, в свете рампы) и подпитывает их энтузиазм. Они особенно заинтересованы в статьях, сконцентрированных на эмоциональной оценке теракта – и не только в описании переживаний непосредственно пострадавших от террора и их близких, не только в отражении чувства ужаса и незащищенности свидетелей, но и в концентрации внимания на отвратительных, отталкивающих, кровавых деталях теракта – на числе тру-

пов, оторванных конечностей, рваных ранах, лужах крови – и все это не только в описаниях, но и на фотографиях.

Такого рода эмоционально ориентированные статьи, вызывая у нормального человека шоковую реакцию и чувство беспомощности перед зверской жестокостью (к тому же при отсутствии адекватных ответных мер), не только создают атмосферу деморализации, но и подспудно формируют ощущение победы духа смерти и распада над духом жизни.

Но заинтересованы в таких статьях и формируемых ими настроениях не только террористы. В них заинтересованы те силы, которые стоят за так называемым «политкорректным» подходом к террору и которые утверждают, что единственный способ избавиться от террора – это капитуляция перед ним, признание законных претензий террористов и удовлетворение этих претензий. Представители этих сил постоянно насаждают идею невозможности силового решения проблемы террора.

Разумеется, действие информации во многом определяется социально-политическим контекстом, в котором она представлена. Те же самые материалы, которые при доминировании «политкорректного» подхода к террору способствуют деморализации населения, при доминировании «консервативного» подхода могут вызывать стеничное чувство гнева. Но акцент при этом должен быть не на страдании жертв, а на противодействии убийцам.

Таким образом, отвечая на вопрос, каковы причинно-следственные связи между усилением «политкорректного» подхода и увеличением эмоционально-ориентированных публикаций, необходимо подчеркнуть взаимную зависимость этих феноменов: доминирование «политкорректного» подхода зависит от степени деморализации общества, формируемой средствами массовой информации, и само способствует этой деморализации. **Это система с обратной связью.**

Те силы, которые стоят за «политкорректным» подходом к террору и террористам и предоставляют им трибуну, не только очень далеки от традиционных еврейских ценностей, среди которых основной является утверждение первостепенной значимости жизни, но и глубоко враждебны этим ценностям и склонны к некрофилии. По Эриху Фромму, есть сильная связь между некрофилией и нар-

циссизмом. И у «политкорректных» наблюдателей очень выражены оба феномена. В отношениях к экзистенциальным ценностям они фактически близки к фанатикам-мусульманам, что также отражается на характере освещения терактов.

Арабские самоубийцы действуют в обстановке истерического ажиотажа вокруг террора, и этот ажиотаж поддерживается, по существу, «политкорректным» подходом и вниманием прессы. Холодно-деловая и жесткая реакция на террор в рамках «консервативного» подхода без общественных дискуссий и обсуждения «легитимных» мотивов террора является единственным психологически обоснованным ответом на энтузиазм террористов.

Выводы и направления дальнейших исследований

Анализ терроризма с использованием современной экономической теории представляется оправданным. Это тем более верно, что у исследователя имеются статистические данные, позволяющие хотя бы грубо оценить адекватность его теоретического инструментария и получаемых выводов.

Теория рационального выбора (Аксельрод) и теория преступления и наказания (Беккер) представляются вполне адекватной методической основой для анализа ситуаций, связанных с террористической активностью.

Гипотеза о возможности снизить уровень террора уступками террористам и экономической помощью контролируемому ими населению не нашла подтверждения на статистике гражданских жертв в Израиле. Такая стратегия лидеров демократических стран содействует возникновению устойчивых стимулов к воспроизводству и расширению террора. Причем стимулы к атакам против мирного населения оказываются намного сильнее стимулов выглядеть «рыцарем» и традиционно ограничиваться атаками против военных. Имеющиеся данные свидетельствуют скорее в пользу гипотезы о возможности сдерживать терроризм с помощью массированного применения ответного насилия и отказа от каких-либо переговоров и уступок.

В случае выбора лидерами демократического государства «прогрессивной» стратегии рациональный террорист получает

стимулы выбрать стратегию террориста второго типа, ориентированного на максимизацию жертв среди гражданского населения. На выбор демократического лидера может влиять смещенное в пользу террористов освещение событий в прессе. Искаженное, смещенное освещение вызывается несопоставимо более высокими издержками на сбор объективной информации о террористах по сравнению с информацией о силовых структурах демократических стран, неограниченными возможностями подкупа журналистов террористами и ограниченными – лидерами демократических стран и целым рядом иных факторов.

Без принятия лидерами правовых государств принципиального и гласного решения, желательно закрепленного в форме национальных законодательных актов, о том, что жизни их граждан (избирателей и налогоплательщиков) не могут сопоставляться с жизнями населения стран и территорий, поддерживающих террористов второго типа, шансы предотвратить эскалацию террора представляются невысокими⁵¹.

Лидеры террористов быстро осваивают все новые средства, включая использование СМИ, судебные иски и т.п. для компенсации своего военно-технического отставания. Предотвращение ответных ударов и даже минимальных оборонительных мер с помощью внутренних правовых механизмов обществ Rule of Law представляется уже вполне отработанной и эффективной стратегией (см. приведенные выше фрагменты решения Верховного суда Израиля).

Неправовое (Rule of Force) государство и общество генерирует стимулы к насилию, которое при определенных обстоятельствах может принимать форму террористической активности, а также

⁵¹ Если правовые демократические государства примут (в форме двусторонних или многосторонних договоров) без участия неправовых принципиальное решение о взятии на себя ответственности за мировой правовой порядок, несколько процентов населения Земли окажется в выигрыше. Остальные, как представляется, не проиграют в краткосрочном периоде и могут даже выиграть в долгосрочном. Если же демократические страны в результате преобладания краткосрочных, изоляционистских интересов отказываются от активной, а потому дорогой внешней и оборонной политики, то действующие международные институты, включая Международный суд, будут скорее угрожать гражданам правовых стран, нежели военным преступникам и диктаторам.

спрос на террористические акты. Стимулы к насилию и террористической активности не могут блокироваться или существенно снижаться иностранной финансовой помощью. В частности, потому, что в таком обществе власть, основанная на силовом превосходстве и регулярном применении насилия, легко конвертируется в любые иные ресурсы, а потому стремление к власти, к силе является единственной рациональной стратегией. И иностранная финансовая помощь или даже предоставление доступа к новым рынкам не может изменить системы стимулов в таком обществе.

Наличие устойчивого платежеспособного «спроса» на террор создает у рациональных лидеров террористов индивидуальные стимулы нарушать любые «перемирия» и «прекращения огня» под теми или иными предложениями до тех пор, пока платежеспособный «спрос» на террор существует. Иными словами, при отсутствии среди добросовестных участников перемирия бен Ладена и других спонсоров вероятность успеха перемирия минимальна. В пользу этого предположения свидетельствует факт продолжения террористической кампании даже в разгар мирных переговоров. Данное предположение, разумеется, нуждается в дальнейшей проработке и проверке.

Выбор альтернативной террору карьеры (предпринимательство, квалифицированная профессиональная деятельность) не является рациональной стратегией из-за чрезвычайно высоких рисков. Только установление правового порядка и гарантий жизни и неприкосновенности личности могут обеспечить успех экономических реформ и демократизации в отсталых странах. Гипотеза о возможности снизить уровень террора уступками террористам и экономической помощью контролируемому ими населению не нашла подтверждения на статистике гражданских жертв в Израиле. Существенное изменение стимулов в оккупированной отсталой стране может начаться лишь с того момента, когда власть, поддерживаемая правовыми государствами, легитимирует себя тем способом, который принят как в отсталых (Rule of Force) обществах, так и в международной практике.

В ходе дальнейших исследований нельзя обойти анализ ситуации в России, в том числе в связи с чеченской проблемой. Это куда более сложная задача, чем решаемая в представленной работе,

поскольку доступно намного меньше статистики и она, как представляется, куда худшего качества, нежели использованная в данной работе. Кроме того, сложнее будет и сформулировать рекомендации: террористы и поддерживающее их население в подавляющем большинстве являются гражданами России. Наконец, Россия сама не является правовым государством, что делает невозможным сравнительно быструю «пересадку» институтов Rule of Law в Чечню «из метрополии», которая могла бы действительно фундаментально изменить стимулы всех «игроков», вовлеченных в конфликт.

Также целесообразно осуществить верификацию модели, представленной в главе 4. Это было бы возможно при наличии детальной и сопоставимой информации о социальном составе и личных обстоятельствах исполнителей терактов как сравнительно многочисленной группы. Здесь, по-видимому, начать можно будет опять-таки с израильских данных, поскольку по ряду направлений (например, по женщинам-террористкам) такая информация уже собирается (о чем свидетельствует, в частности, статья А.Когана (2004)).

Источники

1. Беккер Г. Преступление и наказание: экономический подход. В сб. «Истоки-4». М.: ГУ–ВШЭ, 2000. С. 28–90.
2. Всемирный банк «Доклад о мировом развитии, 2005. Как сделать инвестиционный климат благоприятным для всех». М.: Весь мир, 2005.
3. Денхофф М.Г. Границы свободы. М.: Международные отношения, 2001.
4. Йогев М. Нужно возобновить контроль над всем сектором Газа. 13 мая 2004 г. Сайт радиостанции «Седьмой канал» <http://www.sedmoykanal.com/news.php3?id=62085>
5. Клаузевиц К. О войне. М.: Наука, 1997.
6. Куртуа С., Верт Н. и др. Черная книга коммунизма. Преступления. Террор. Репрессии. М.: Три века истории, 1999.

7. Мау В., Яновский К. Помощь постсоциалистическим странам: факторы эффективности // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 6. С.52–61.
8. Мау В., Яновский К., Жаворонков С. и др. Политические и правовые источники инвестиционных рисков в российских регионах. М.: ИЭПП – CEPRA, 2002.
9. Мау В., Яновский К., Жаворонков С. и др. Импорт институтов в странах с переходной экономикой: эффективность и издержки. М.: ИЭПП. Серия «Научные труды». 2003. № 68р.
10. Мельянцева В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М.: МГУ, 1996.
11. Нетаньяху Б. Война с терроризмом. Как демократии могут нанести поражение сети международного терроризма. М.: Альпина паблишер, 2002.
12. Нуреев Р.М. Экономика развития. Модели становления рыночной экономики, М.: Инфра-М, 2001.
13. Ротенберг В. Зачем евреям Израиль. Антисемитизм как проблема когнитивного диссонанса. Хайфа: МАОФ, 2003 <http://www.rjews.net/maof/article.php3?id=4309&type=s&sid=15>
14. Стиглер Дж. Оптимальное принуждение к соблюдению законов. Сб. «Истоки-5». М.: ВШЭ, 2004. С. 349–367.
15. Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегия для меняющегося мира. М.: Альпина паблишер, 2003.
16. Шерман М. «Экономика мира» – иллюзия в обличье предвидения. Сб. «Israel and Palestinian State: Zero Sum Game?». Ariel Center, 2001. P. 316–326.
17. Коган А. Женские истории интифады. Сайт «Агентства политических новостей». 27 сентября 2004 г. http://www.apn.ru/?chapter_name=advert&data_id=195&do=view_single
18. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: Аст, 2003.
19. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс – Традиция, 2004.
20. Штереншис М. История государства Израиль 1896–2002. Герцлия: Исрадон, 2003.

21. Яновский К. Визит в экономическую лабораторию в разгар эксперимента (Израиль в период выборов 2003 г.) // Вестник РЦЭР. № 134. Март 2003 г.
22. Axelrod R., Hamilton W.D. (1981) Evolution of Cooperation // Science. № 211. P. 1390–1396.
23. Brandt W., et al. North-South: a Programme for survival: The report of the Independent Commission on International Development Issues under the Chairmanship of Willy Brandt. L.: Pan Books, 1980.
24. Crain Nicole V., Crain W.M. (2004). The impact of Terrorism on National Economies, Annual Public Choice Society Conference report, Baltimore, 2004.
25. The Economist. "The Right plan for Iraq". September 25th–October 1st 2004. P. 13.
26. Ferrero M. (2004). Martyrdom Contracts, Annual Public Choice Society Conference report, Baltimore, 2004.
27. Garoupa N.R., Joao E.G. A theory of international conflict management and sanctioning // Public Choice. 2002. № 110: 41–65.
28. Glaeser E.L. The Political Economy of Hatred. Harvard University, Harvard Institute of Economic Research discussion paper #1970, August 2002 <http://post.economics.harvard.edu/hier/2002papers/2002list.htm>
29. IHardin R. One for All. Logic of group Conflict. Princeton University Press, NJ, 1997.
30. Johnson P. A History of the Jews. HarperPerennial, NY, 1988.
31. Johnson P. 21st-Century Piracy. The answer to terrorism? Colonialism. № 6. October 2001 <http://www.opinionjournal.com/extra/?id=95001283#top>
32. Khaled Abu Toameh. Telling the Truth about the Palestinians. A briefing record. April 27. 2004. <http://www.meforum.org/article/604>
33. Lantos T. (US Congress member) Letter to the UN General Secretary. May 13. 2002 (UNRWA activities problem). <http://thomas.loc.gov/>
34. Maoz I.[1]; Ward A.[2]; Katz M.[3]; Ross L.[4] Reactive Devaluation of an "Israeli" vs. "Palestinian" Peace Proposal // Journal of Conflict Resolution. August 2002. Vol. 46. № 4. P. 515–546(32)

- [1] Department of Communication, Hebrew University of Jerusalem [2] Department of Psychology, Swarthmore College [3] Faculty of Education, Haifa University, Israel [4] Department of Psychology, Stanford University.
35. Olson M. Power and Prosperity. New York: Basic Books, 2000.
 36. Pipes D. The Refugee Curse // New York Post. August 19. 2003.
 37. Paul H.R. The Assault on the First Amendment: Public Choice and Political Correctness // The Cato Journal. Vol. 14. № 1. Spring / Summer 1994.
 38. Rowley C.K. Fragmenting Parchment: The Constitution of the United States 1860-2004. Public Choice Society Annual meeting report, 2005.
 39. Sprecher C.[1]; DeRouen Jr. K.[2]. Israeli Military Actions and Internalization-Externalization Processes // Journal of Conflict Resolution. April 2002. Vol. 46. № 2. P. 244–259(16). [1] Texas A&M University [2] University of Canterbury.
 40. Weber M. Economy and Society. 2 vols. Berkeley: University of California Press, 1978. Vol. 1: «Basic Sociological Terms».
 41. World Bank «Breaking the Conflict Trap. Civil War and Development Policy». World Bank & Oxford University Press, 2003.
 42. Yanovskiy K. Gresham's theorem // Terrorists' Behavior and Government's Strategy Choice 2004. Annual Public Choice Society Conference report, Baltimore, 2004.

Базы данных и иные интернет-источники

43. Supreme Court (State of Israel) Верховный суд Израиля.
<http://62.90.71.124/eng/home/index.html>
44. http://www.ict.org.il/casualties_project/incidentresults.cfm?requesttimeout=500International Policy Institute for Counter-Terrorism (Междисциплинарный центр по вопросам терроризма в Герцлие, Израиль).
45. <http://www.gal-ed.co.il/leumi/search.asp>
Complete Government Database of Israeli Terror Victims – Полная база данных страховой организации Министерства труда «Bituah Leumi» («Национальное страхование»).
46. <http://www.cidcm.umd.edu/inscr/mar/data/israrabchro.htm>
Хронология конфликта, представленная Центром междуна-

родного развития и управления конфликтами Мэрилендского университета (США). 1993 January 19: The Israeli Knesset in a vote of 39 to 20 repealed a law barring contact between Israelis and representative of the PLO.

47. <http://www.sedmoycanal.com/news.php3?id=41798>
25 мая 2003 г. новостной канал «Arutz Sheva» «Израиль, итоги голосования по плану «Дорожная карта», предусматривающего создание к 2005 г. возглавляемого террористами государства на спорных территориях к востоку от реки Иордан».
48. <http://www.cjnews.com> – мониторинг канадской прессы (на «Canadian Jewish News»).
49. <http://www.opinionjournal.com/best/> – мониторинг американской прессы (на консервативном сайте).
50. <http://www.presscampaign.org/news4.htm> – мониторинг канадской прессы.
51. http://www.theprismgroup.org/articles/unrwa_and_the_pa.html
«The Prism Group» – анализ и мониторинг работы школ в Арабской автономии и в лагерях беженцев.
52. http://www.knesset.gov.il/history/eng/eng_hist_all.htm – веб-сайт кнессета. Раздел «История кнессета».
53. <http://www.us-israel.org/jsource/Politics> – виртуальная еврейская библиотека (американо-израильский проект).
54. <http://www.jcra.org> – иерусалимский центр публичный политики, Израиль.
55. <http://faculty.biu.ac.il/~steing/election/elec92.htm> – Обзор Джеральда Стайнера. Университет Бар Илан, Израиль.
56. http://www.passia.org/palestine_facts/chronology/19631988.htm – «Палестинское академическое общество по изучению международной политики» (обзор израильских протеррористических партий и групп).
57. <http://countrystudies.us/israel/102.htm> – веб-сайт, содержащий электронные версии книг, опубликованных Исследовательским центром Библиотеки конгресса США (страновые исследования) 1986–1998 гг.
58. <http://www.beytenu.org.il/> – веб-сайт партии «Наш дом – Израиль».

Приложение 1. Динамика террора и стратегия правительства Израиля: исходные данные

Таблица 14

Год	Число жертв	Стратегия правительства «Зуб за зуб» и запрет переговоров с террористами	Стратегия правительства – умиротворение террористов уступками и предоставление под их контроль территорий для создания государства	Превентивный удар по заграничной инфраструктуре террора и 10 лет после него или 1 год после удара правительства страны базирования террористов	Комментарии
1	2	3	4	5	6
1949	37	1	-1	0	
1950	52	1	-1	0	
1951	41	1	-1	0	
1952	40	1	-1	0	
1953	46	1	-1	0	
1954	41	1	-1	0	
1955	30	1	-1	0	
1956	53	1	-1	0	Синайская кампания
1957	19	1	-1	1	
1958	15	1	-1	1	
1959	10	1	-1	1	
1960	11	1	-1	1	
1961	8	1	-1	1	
1962	10	1	-1	1	
1963	7	1	-1	1	
1964	9	1	-1	1	
1965	10	1	-1	1	
1966	10	1	-1	1	
1967	36	1	-1	0	
1968	55	1	-1	0	
1969	33	1	-1	0	

1	2	3	4	5	6
1970	74	1	-1	0	«Черный» сентябрь в Иордании
1971	18	1	-1	1	
1972	46	1	-1	0	
1973	27	1	-1	0	
1974	67	1	-1	0	
1975	39	1	-1	0	
1976	14	1	-1	0	
1977	9	1	-1	0	
1978	57	1	-1	0	Операция «Литани» в Южном Ливане
1979	36	1	-1	1	
1980	16	1	-1	1	
1981	14	1	-1	1	
1982	6	1	-1	1	Операция «Мир Галилее» в Ливане
1983	21	1	-1	1	
1984	9	1	-1	1	
1985	27	1	-1	1	
1986	14	1	-1	1	
1987	11	1	-1	1	
1988	16	1	-1	1	
1989	40	1	-1	1	
1990	33	1	-1	1	
1991	12	1	-1	1	
1992	34	1	0	1	Рабин во главе с Лейбористской партией с мини-мальным преимуществом выигрывает

					выборы. При этом намерение вести переговоры с ООП тщательно скрывается от избирателей. Происходит радикальная смена стратегии правительства в отношении террористов
1993	45	-1	1	0	
1994	65	-1	1	0	
1995	29	-1	1	0	
1996	56	-1	1	0	Б. Нетаньяху («Ликуд») выигрывает выборы
1997	41	0	-1	0	
1998	16	0	-1	0	
1999	8	0	-1	0	Барак (лейбористы) выигрывает выборы
2000	25	-1	1	0	Барак (лейбористы) проигрывает выборы
2001	166	-1	1	0	
2002	292	-1	1	0	
2003	178	-1	1	0	

Приложение 2. Выдержки из прессы – дискуссия о Дамуре

“There is a highly trained group of Phalangist soldiers, known as the Damuri Brigade, which has been in Damur, just south of Beirut, ever since the Israelis took the town. The brigade is made up of many of the sons of Christian families massacred by Palestinians in Damur in February 1976 in retaliation for the Christian massacre of Palestinian civilians at the Tel Zaatar refugee camp.”

Friedman Thomas L.,
New York Times correspondent, 1982⁵²

Необходимо прокомментировать упомянутый Фридманом эпизод с Тель-Заатаром. Это был один из многочисленных тренировочных лагерей арабских террористов в Ливане, за который в начале гражданской войны шли затяжные и ожесточенные бои, в ходе которых гражданские лица, традиционно используемые террористами в качестве «живого щита», страдали в наибольшей степени. Ввиду упомянутой «особой роли» командование террористов не позволило гражданским лицам эвакуироваться из окруженного лагеря. Другой причиной запрета было желание подстегнуть бойцов упорнее сражаться в условиях, когда, как им казалось, на карту поставлена жизнь их семей (Becker J., 1984).

Разумеется, журналист лжет по поводу резни. Ничего, мало-мальски сопоставимого с хладнокровным избиением гражданского населения в христианском Дамуре, в Тель-Заатаре не было. Г-н Фридман является широко известным «либеральным» критиком Израиля, и такой «сдвиг» в освещении событий для него является вполне естественным. – *Прим. автора.*

⁵² «Существует тщательно подготовленная группа солдат-фалангистов, известных как Дамурская бригада, которая была сформирована в Дамуре – южнее Бейрута, как только израильтяне взяли город. В бригаде служит большое число сыновей христианских семейств вырезанных палестинцами в Дамуре в феврале 1976 в ответ на христианскую резню палестинских гражданских жителей в лагере беженцев Тель-Заатар».

Фридман Томас Л., корреспондент «Нью-Йорк таймс», 1982

“Egypt too was among the many neighboring countries that had a role in this. For example, the Egyptian-sponsored 'Ayn Jalut brigade of the Palestinian Liberation Army (PLA), participated in several sectarian massacres in Lebanon, including the destruction of the coastal city of Damur in 1976, resulting in the cold-blooded murder of hundreds of innocent civilians.”

Daniel Nassif
Executive Director
American Lebanese Institute, 1998⁵³

“Daniel Nassif’s comments are extraneous to the determination of guilt in the Sabra and Shatilla massacre or to the central arguments in my letter to the Middle East Quarterly. The world’s court of public opinion, including that in the United States, long ago had passed its verdict on this matter, as anyone can verify by re-visiting coverage by leading American newspapers of this great tragedy.”

Abdelaleem El-Abyad
Press and Information Bureau
Embassy of the Arab Republic of Egypt
Washington, 1998⁵⁴

⁵³ «Египет также был одной из соседних стран, которые сыграли свою роль в этих событиях. Например, спонсируемый египтянами «Аун Jalut» – бригада палестинской Освободительной Армии, неоднократно участвовал в массовых убийствах в Ливане, включая разрушение прибрежного города Дамур в 1976 г., закончившееся хладнокровным убийством сотен невинных гражданских жителей».

Дэниел Нассиф, исполнительный директор Американского ливанского института, 1998

⁵⁴ «Комментарии Дэниела Нассифа не имеют отношения к определению виновных в трагедии Сабры и Шатилы и к основным аргументам моего письма в Shatilla Middle East Quarterly (ежеквартального журнала ближневосточных проблем). Суд мирового общественного мнения, включая общественность Соединенных Штатов, давно вынес свой приговор по этому вопросу, и любой может проверить это, перечитав освещение этой великой трагедии ведущими американскими газетами».

Абдельалим эль-Абьяд, Бюро по информации и связям с прессой посольства Арабской Республики Египет, Вашингтон, 1998

Приложение 3. Позиция партий в Израиле в отношении террора и террористов и их электоральная поддержка

Таблица 15

Позиция партий в Израиле в отношении террора

Созыв кнессета	Вести переговоры	Уступать террористам территории	Уступки терр. соседним странам Rule of Force	Уступки «медународному сообществу»	Аннексии	Аннексии и трансфер
1	2	3	4	5	6	7
1 (Янв, 25, 1949)	Маки-коммунисты	Маки-коммунисты	Мапам, Маки-коммунисты	Мапай ⁵⁵ , Мапам, Маки-коммунисты	Херут («Сво-бо-да»)	Херут
2 (Июль 30, 1951)	Маки-коммунисты	Маки-коммунисты	Мапам, Маки-коммунисты	Мапай, Мапам, Маки-коммунисты	Херут	Херут
3 (Июль 26, 1955)	Маки-коммунисты	Маки-коммунисты	Мапам, Маки-коммунисты	Мапай, Мапам, Маки-коммунисты	Херут	Херут
4 (Нояб. 3, 1959)	Маки-коммунисты	Маки-коммунисты	Мапам, Маки-коммунисты	Мапай, Мапам, Маки-коммунисты	Херут	Херут
5 (Авг. 15, 1961)	Маки-коммунисты	Маки-коммунисты	Мапам, Маки-коммунисты	Мапай, Мапам, Маки-коммунисты	Херут	Херут
6 (Нояб. 1, 1965)	Раках, Маки-коммунисты	Раках, Маки-коммунисты	Мапам, Раках, Маки-коммунисты	Рабочее единство, Мапам, Маки-коммунисты, Раках	Гахал (пред. «Лику-да»)	-
7 (Окт. 28, 1969)	Раках, Маки-коммунисты	Раках, Маки-коммунисты	Раках, Маки-коммунисты	Рабочее единство, Маки-коммунисты, Раках	Гахал (пред. «Лику-да»)	-

⁵⁵ Мапай и мелкие союзные ей партии – Democratic Party of Nazareth, Kidmah Va'Avodah, Hakla'ut Ufituah, Shituf Ve'ahvah (1949–1959 гг.); 1965–1981 гг. – Рабочее единство и соответствующие мелкие партии.

Продолжение таблицы 15

1	2	3	4	5	6	7
8 (Дек. 31, 1973)	Раках,	Раках,	Раках, Рац, Араб. список, Мокед	Рабочее единство, , Раках, Рац, Араб. список, Мокед	«Ликуд», НРП	–
9 (Май 17, 1977)	Хадаш-коммунисты,	Хадаш-коммунисты,	Хадаш-коммунисты, Рац, Араб. список,	Рабочее единство, ДМС (Шинуй-1), Хадаш- коммунисты, Рац, Араб. список	Ликуд, НРП, «Шлом-цион»	–
10 (Июнь 30, 1981)	Хадаш – коммунисты	Хадаш - коммунисты	Хадаш - коммунисты, Рац	Рабочее единство, Шинуй-1, Хадаш - коммунисты, Рац	«Ликуд», НРП	–
11 (Июль 23, 1984)	Хадаш-коммунисты, Прогресс. список за мир	Хадаш-коммунисты, Прогресс. список за мир	Хадаш-коммунисты, Рац, Прогресс. список за мир, Шинуй	Рабочее единство, Яхад, Хадаш-коммунисты, Рац, Прогресс. список за мир, Шинуй	«Ликуд», НРП	Ках
12 (Нояб. 1, 1988)	Хадаш-коммунисты, Араб. дем. партия, Прогресс. список за мир	Хадаш-коммунисты, Араб. дем. партия, Прогресс. список за мир	Хадаш-коммунисты, Рац, Прогресс. список за мир, Шинуй, Мапам	Рабочее единство, Яхад, Хадаш-коммунисты, Рац, Прогресс. список за мир, Шинуй, Мапам	«Ликуд», Тхия, НРП	«Мо-ледет» (Родина)
13 (Июнь 23, 1992)	Хадаш-коммунисты, Араб. дем. партия, Мерец	Хадаш-коммунисты, Араб. дем. партия,	Хадаш-коммунисты, Араб. дем. партия, Мерец	Авода, Хадаш-коммунисты, Араб. дем. партия, Мерец	«Ликуд», НРП	Моле-дет
14 (Май 29, 1996)	Авода, Хадаш-коммунисты, Араб. дем. партия, Мерец	Хадаш-коммунисты, Объед. Араб. список, Мерец	Авода, Хадаш-коммунисты, Объед. араб. список, Мерец	Авода, Третий путь Хадаш-коммунисты, Араб. дем. партия, Мерец	«Ликуд», НРП	Моле-дет
15 (Май, 17, 1999)	Единый Израиль, Мерец-, Хадаш-коммунисты, Балад, Профс. список	Единый Израиль, Мерец-, Хадаш-коммунисты, Балад, Профс. список	Единый Израиль, Мерец-, Хадаш-коммунисты, Балад, Профс. Шинуй, Merkaz	Единый Израиль, Мерец - , Хадаш - коммунисты, Балад, Профс. список, Шинуй, Merkaz	«Ликуд», НРП	Ихуд Леуми (Нац. единство)

Продолжение таблицы 15

1	2	3	4	5	6	7
16 (Янв., 28, 2003)	Авода-Меймад, Мерец, Хадаш-коммунисты, Балад, Профс. список, Объед. Араб. список	Авода-Меймад, Мерец, Хадаш - коммунисты, Балад, Профс. список, Объед. араб. список	Авода-Меймад, Мерец, Хадаш-коммунисты, Балад, Профс. список, Шинуй, Объед. араб. список	Авода-Меймад, Мерец, Хадаш-коммунисты, Балад, Профс. список, Shinu, Объед. араб. список	«Ли-куд», НРП	Ихуд Леуми (Нац. единство)

Таблица 16

Спрос электората на «прогрессивную» / «консервативную» стратегию в отношении террористов и их спонсоров (через позиции партий, представленных в кнессете во время предвыборных кампаний)

Год	Среднее число гражданских жертв в террора за каденцию	Поддержка парламентских партий, выступающих за			Поддержка партий, выступающих за		
		переговоры с террористами	переговоры с террористами и территориальные уступки им	территориальные уступки соседним диктаторским режимам	уступки (территориальные) «международному сообществу»	аннексию библейских земель Израиля	аннексии и трансфер нелояльных неграждан с территории Израиля
1	2	3	4	5	6	7	8
1949	45	3,5	3,5	18,2	55,6	11,5	11,5
1951	42	6,4	6,4	18,9	58,5	6,6	6,6
1955	26	6,3	6,3	13,6	48,4	12,6	12,6
1959	10	2,8	2,8	10	51,7	13,5	13,5
1961	9	4,2	4,2	11,7	56,5	13,8	13,8
1965	34	3,4	3,4	10	49,9	21,3	0
1969	41	3,8	3,8	3,8	51,5	21,7	0
1973	40	3,4	3,4	8	50,1	40,5	0
1977	30	4,6	5,8	5,8	42	42,6	0
1981	13	3,4	3,4	4,8	42,9	44,3	0

Продолжение таблицы 16

1	2	3	4	5	6	7	8
1984	17	5,2	5,2	10,3	47,4	40,6	1,2
1988	28	6,4	6,4	13,2	43,2	43	1,9
1992	43	13,6	4	13,6	48,3	41	2,4
1996	22	42,4	14,9	45,6	45,6	36,3	2,4
1999	161	34,3	34,3	44,3	44,3	21,3	3
2003	146	29,9	29,9	42,2	42,2	39,1	5,5

Источник: Данные табл. 14 и 15.

http://www.knesset.gov.il/history/eng/eng_hist_all.htm – веб-сайт кнессета. Раздел «История кнессета».

<http://www.us-israel.org/jsource/Politics> – виртуальная еврейская библиотека (американо-израильский проект).

<http://www.jcpa.org> – Иерусалимский центр публичной политики, Израиль.

<http://faculty.biu.ac.il/~steing/election/elec92.htm> – Обзор Джеральда Стайнера, Университет Бар Илан, Израиль.

http://www.passia.org/palestine_facts/chronology/19631988.htm – так называемое «Палестинское академическое общество по изучению международной политики» (обзор израильских протеррористических партий и групп).

<http://countrystudies.us/israel/102.htm> – веб-сайт, содержащий электронные версии книг, опубликованных Исследовательским центром Библиотеки конгресса США (страновые исследования) 1986–1998 гг.

<http://www.beytenu.org.il/> – веб-сайт партии «Наш дом – Израиль».

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

**В серии «Научные труды» вышли в свет
(на русском языке) следующие работы:**

№ 81Р Колл. авт. **Реформирование унитарных предприятий в российской экономике: отраслевой и региональный аспекты.** 2004.

№ 80Р Дробышевский С.М., Полевой Д.И. **Проблемы создания единой валютной зоны в странах СНГ.** 2004.

№ 79Р Колл. авт. **Сельская бедность и сельское развитие в России.** 2004.

№ 78Р Шишкин С.В., Заборовская А.С. **Формы участия населения в оплате социальных услуг в странах с переходной экономикой.** 2004.

№ 77Р Колл. авт. **Выбор денежно-кредитной политики в стране – экспортере нефти.** 2004.

№ 76Р Воскобойников И. Б. **Нерыночный капитал и его влияние на динамику инвестиций в российской экономике.** 2004.

№ 75Р Колл. авт. **Проблемы и практика перехода военной организации России на новую систему комплектования.** 2004.

№ 74Р Колл. авт. **Перспективы реформирования аграрной политики России.** 2004.

№ 73Р Колл. авт. **Экономико-правовые факторы и ограничения в становлении моделей корпоративного управления.** 2004.

№ 72Р Дежина И. Г., Салтыков Б. Г. **Механизмы стимулирования коммерциализации исследований и разработок.** 2004.

№ 71Р Колл. авт. **Проблемы интеграции России в единое европейское пространство.** 2003.

№ 70Р Колл. авт. **Факторы экономического роста российской экономики.** 2003.

№ 69Р Колл. авт. **Финансовые рынки в переходной экономике: некоторые проблемы развития.** 2003.

№ 68Р Колл. авт. **Импортированные институты в странах с переходной экономикой: эффективность и издержки.** 2003.

№ 67Р Колл. авт. **Налоговая реформа в России: проблемы и решения (в 2-х томах).** 2003.

№ 66Р Колл. авт. **Совершенствование системы закупки товаров, работ и услуг для государственных нужд.** 2003.

№ 65Р Колл. авт. **Инвестиционное поведение российских предприятий.** 2003.

№ 64Р В. Носко, А. Бузаев, П. Кадочников, С. Пономаренко. **Анализ прогнозных свойств структурных моделей и моделей с включением результатов опросов предприятий.** 2003.

№ 63Р Колл. авт. **Рынок покупательных ресурсов в российском сельском хозяйстве.** 2003.

№ 62Р П. Кадочников, С. Синельников-Мурылев, С. Четвериков. **Импортозамещение в Российской Федерации в 1998–2002 гг.** 2003.

№ 61Р Денисенко М. Б., Хараева О. А., Чудиновских О. С. **Иммиграционная политика в Российской Федерации и странах Запада.** 2003.

№ 60Р Колл. авт. **Финансовые аспекты реформирования отраслей социальной сферы.** 2003.

№ 59Р Колл. авт. **Пенсионная реформа: социальные и экономические аспекты.** 2003.

№ 58Р Колл. авт. **Сравнительный анализ денежно-кредитной политики в переходных экономиках.** 2003.

№ 57Р Цухло С. В. **Конкуренция в российской промышленности (1995–2002 гг.).** 2003.

№ 56Р Дежина И. Г. **Проблемы прав на интеллектуальную собственность.** 2003.

№ 55Р Радыгин А. Д., Энтов Р. М., Межераупс И.В. **Особенности формирования национальной модели корпоративного управления.** 2003.

№ 54Р Колл. авт. **Анализ бюджетной задолженности в Российской Федерации. Способы погашения и методы профилактики ее возникновения.** 2003.

№ 53Р А. Г. Вишневецкий, Е. М. Андреев, А. И. Трейвиш. **Перспективы развития России: роль демографического фактора.** 2003.

№ 52Р С. Синельников-Мурылев, С. Баткибеков, П. Кадочников, Д. Непелов. **Оценка результатов реформы подоходного налога в Российской Федерации.** 2003.

№ 51Р П. Казначеев. **Прагматизм и либеральное мировоззрение.** 2002.

№ 50Р Колл. авт. **Налоговая реформа в России: анализ первых результатов и перспективы развития.** 2002.

№ 49Р П. Кадочников. **Внешние факторы денежно-кредитной политики РФ.** 2002.

№ 48Р Колл. авт. **Дерегулирование российской экономики: механизм воспроизводства избыточного регулирования и институциональная поддержка конкуренции на товарных рынках.** 2002.

№ 47Р Колл. авт. **Проблемы агропродовольственного сектора.** 2002.

№ 46Р Р.М. Энтов, В.П. Носко, А.Д. Юдин, П.А. Кадочников, С.С. Пономаренко. **Проблемы прогнозирования некоторых макроэкономических показателей.** 2002.

№ 45Р С. Дробышевский, А. Козловская. **Внутренние аспекты денежно-кредитной политики России.** 2002.

№ 44Р С.Н. Смирнов, Н.И. Исаев, А.А. Гудков, Л.Д. Попович, С.В. Шишкин. **Социальное обеспечение экономических реформ.** 2002.

№ 43Р А. Радыгин, Р. Энтов, Н. Шмелева. **Проблемы слияний и поглощений в корпоративном секторе.** 2002.

№ 42Р В.А. Бессонов, С.В. Цухло. **Анализ динамики российской переходной экономики.** 2002.

№ 41Р А. Радыгин, Р. Энтов, И. Межеряупс. **Проблемы правоприменения (инфорсмент) в сфере защиты прав акционеров.** 2002.

№ 40Р **Экономический рост: после коммунизма** (Материалы международной конференции). 2002.

№ 39Р Э. Ватолкин, Е. Любошиц, Е. Хрусталева, В. Цымбал. **Реформа системы комплектования военной организации России рядовым и младшим командным составом.** Под редакцией Е. Гайдара и В. Цымбала, 2002.

№ 38Р **Инвестиционная привлекательность регионов: причины различий и экономическая политика государства.** Сборник статей под редакцией В.А. Мау, О.В. Кузнецовой, 2002.

№ 37Р Н. Карлова, И. Кобута, М. Прокопьев, Е. Серова, И. Храмова, О. Шик. **Агропродовольственная политика и международная торговля: российский аспект.** 2001.

№ 36Р А.Д. Радыгин, Р.М. Энтов. **Корпоративное управление и защита прав собственности: эмпирический анализ и актуальные направления реформ.** 2001.

№ 35Р Ю.Н. Бобылев. **Реформирование налогообложения минерально-сырьевого сектора.** 2001.

№ 34Р **Эконометрический анализ динамических рядов основных макроэкономических показателей.** 2001.

№ 33Р С. Цухло. **Анализ факторов, определяющих реальное финансово-экономическое состояние российских промышленных предприятий.** 2001.

№ 32Р С. Жаворонков, В. Мау, Д. Черный, К. Яновский. **Дерегулирование российской экономики.** 2001.

№ 31Р **Проблемы становления новой институциональной структуры в переходных странах.** Сборник статей, 2001.

№ 30Р В.А. Бессонов. **Трансформационный спад и структурные изменения в российском промышленном производстве.** 2001.

№ 29Р Е.Г. Потапчик, С.К. Салахутдинова, С.В. Шишкин. **Бюджетное финансирование федеральных учреждений здравоохранения.** 2001.

№ 28Р **Некоторые проблемы денежно-кредитной политики в переходной экономике.** Сборник статей, 2001.

№ 27Р С. Дробышевский, А. Золотарева, П. Кадочников, С. Синельников. **Перспективы создания стабилизационного фонда в РФ.** 2001.

№ 26Р **Посткоммунистическая Россия в контексте мирового социально-экономического развития. Материалы международной конференции.** 2001.

№ 25Р С. Шишкин. **Реформа финансирования российского здравоохранения.** 2000.

№ 24Р **Совершенствование межбюджетных отношений в России.** 2000.

№ 23Р М. Матовников. **Функционирование банковской системы России в условиях макроэкономической нестабильности.** 2000.

№ 22Р Эндрю Добсон. **Долг и инвестиции для субъектов Российской Федерации.** 2000.

№ 21Р Л. Михайлов, Л. Сычева, Е. Тимофеев. **Банковский кризис 1998 года в России и его последствия.** 2000.

№ 20Р **Некоторые актуальные вопросы аграрной политики в России.** 2000.

№ 19Р **Проблемы налоговой системы России: теория, опыт, реформа (в 2-х томах).** 2000.

№ 18Р **Материалы научной конференции «Финансовый кризис: причины и последствия».** 2000.

№ 17Р С. Дробышевский. **Анализ рынка ГКО на основе изучения временной структуры процентных ставок.** 1999.

№ 16Р **Государственное регулирование экономики: опыт пяти стран.** 1999.

№ 15Р **Некоторые политэкономические проблемы современной России.** 1999.

№ 14Р С. Дробышевский. **Обзор современной теории временной структуры процентных ставок. Основные гипотезы и модели.** 1999.

№ 13Р Е. Гайдар. **Наследие социалистической экономики: макро- и микроэкономические последствия мягких бюджетных ограничений.** 1999.

№ 12Р А. Радыгин, Р. Энтов. **Институциональные проблемы развития корпоративного сектора: собственность, контроль, рынок ценных бумаг.** 1999.

№ 11Р **Реформирование некоторых отраслей социальной сферы России.** 1999.

№ 10Р **Коммунистическое правительство в посткоммунистической России: первые итоги и возможные перспективы.** 1999.

№ 9-1Р В. Мау. **Экономика и право. Конституционные проблемы экономической реформы посткоммунистической России.** 1998.

№ 9Р **Средний класс в России.** Сборник докладов, 1998.

№ 8Р **Политические проблемы экономических реформ: сравнительный анализ.** Сборник докладов, 1998.

№ 7Р С.Г. Синельников-Мурылев, А.Б. Золотарева. **Роль Правительства и Парламента в проводимой бюджетной политике в постсоветской России.** 1998.

№ 6Р **Финансово-экономические проблемы военного строительства и пути их решения** (Материалы научно-практической конференции). 1998.

№ 5Р А.П. Вавилов, Г.Ю. Трофимов. **Стабилизация и управление государственным долгом России.** 1997.

№ 4Р **Либерализация и стабилизация – пять лет спустя.** Сборник докладов, 1997.

№ 3Р **Пять лет реформ.** Сборник статей, 1997.

№ 2Р **Посткоммунистическая трансформация: опыт пяти лет.** Сборник докладов, 1996.

№ 1Р В. Мау, С. Синельников-Мурылев, Г. Трофимов. **Макроэкономическая стабилизация, тенденции и альтернативы экономической политики России.** 1996.

Политико-экономические аспекты борьбы с терроризмом

Константин Яновский
Сергей Жаворонков
Сергей Шульгин
Илья Затковецкий
Вадим Ротенберг

Корректор: Н. Андрианова
Компьютерный дизайн: В. Юдичев

Подписано в печать 19.09.05
Тираж 400 экз.

125993, Москва, Газетный пер., 5

Тел. (095) 229–6736,
FAX (095) 203–8816
E-MAIL –info@iet.ru,
WEB Site – <http://www.iet.ru>

© **Институт экономики переходного периода, 2005**